

АНЕЛИЯ ВУД

ЗА ГРАНЬЮ
ТВОЕЙ
ДОСЯГАЕМОСТИ

Анелия Вуд

За гранью твоей досягаемости

<https://litres.ru/72686563>

SelfPub; 2026

Аннотация

Во дворце, где улыбки лживы, а шёпот за спиной может стоять головы, правда — самое опасное оружие.

Ави не мечтала о короне и не стремилась к принцу. Её забросили в роскошную ловушку — против воли, без права выбора. Здесь всё под контролем: шаг, слово, даже дыхание. Но всё меняется, когда одна неудачная попытка сбежать сталкивает её с таинственным незнакомцем, слишком дерзким для слуги и слишком опасным, чтобы быть случайным.

Он провоцирует. Она отвечает. Они сражаются взглядами, словами, прикосновениями. Между ними — ненависть, растущая на почве взаимных презрений, но под ней зреет нечто иное... куда более взрывоопасное.

Что важнее: чувства, которые нельзя допустить, или правда, которая может убить?

Иногда самые сильные привязанности рождаются из ненависти. И самые тёмные желания — из запретного.

Анелия Вуд

За гранью твоей достигаемости

Глава 1

Лёгкий вечерний ветер скользнул по щеке, задевая выбившуюся прядь у виска, словно сама природа шептала: пора остановиться. Сквозь распахнутое окно мастерской доносились звуки города, пробуждающегося к ночной жизни – смех, шаги, обрывки разговоров. Они сливались в тёплый, живой шум, напоминая, что где-то за стенами есть движение, радость, чужое счастье.

А я всё ещё здесь – склонившись над швейной машинкой, в мире ниток, ткани и нарастающей усталости.

Боль в висках пульсировала в такт монотонному стуку иглы. Пальцы немели, строчка начинала петлять, будто ткань сопротивлялась. Это был знак. Ещё немного – и я всё испорчу. Как бы ни хотелось прошить ещё один шов, я знала: дальше будет только хуже. Усталость не щадит даже самые упрямые намерения.

Мысль о миссис Шарп тревожно сжимала сердце. Она разрешала мне работать допоздна, зная, как важна для меня каждая лишняя монета. Её молчаливая поддержка была не

просто добротой – это была нить, удерживающая меня на плаву. И допустить ошибку значило не просто испортить заказ, а предать доверие.

Выключив машинку, подхожу к зеркалу у выхода и снимаю рабочий платок. Тёмные пряди падают на плечи, поблёскивая в тусклом свете лампы. В зеркале – моё отражение: худощавая фигура в растянутом свитере, уставшие карие глаза, тени под ними – следы бессонных ночей. Единственные брюки ещё держали форму, напоминая, что иногда комфорт – единственная доступная роскошь.

– Терпи, Ави. Всего три месяца, – прошептала я. – Всего три месяца.

Улица встретила прохладой, мягкой и обволакивающей, как тихое одобрение: день прожит, ты справилась. Люди спешили мимо, растворённые в собственных делах. Их шаги сливались в ровный гул – пульс большого города, равнодушного и живого. Я старалась стать его частью. Незаметной. Безымянной.

Перебежав дорогу, вскочила в отходящий вагончик. Старый, скрипучий – но надёжный. Протиснувшись внутрь, заняла место у окна и наконец позволила себе выдохнуть. За стеклом загорались фонари – один за другим, как огоньки на гирлянде.

Северный район города проплывал мимо: рабочие кварталы, потемневшие от времени стены, дома без лиц. Заводы и станции тянулись цепью, будто железные великаны, не зна-

ющие покоя. Запах металла и копоты вьелся в сам воздух. Это было сердце Станбурга – сильное, тяжёлое, лишённое иллюзий.

На мосту город менялся. Вода ловила отражения огней, и застывшая суровость отступала, словно сцена, уступающая место другому действию. В сумерках Станбург становился почти сказочным – окутанный мягким золотым светом.

Чем дальше к югу, тем спокойнее и изящнее он выглядел. Узкие улочки, брусчатка, старинные особняки, витражи, запах кофе и цветов. Здесь жили те, кто не боялся будущего. У кого оно было обеспечено – именем, деньгами, связями. Я смотрела на них, как на жизнь за стеклом витрины: близкую и недостижимую.

Вдалеке сиял кафедральный собор святого Лоренцо – словно маяк для заблудших. А выше, на холме, возвышался королевский дворец. Светлый камень ловил последние лучи дня, и здание казалось почти невесомым. Величественным. Чужим.

Я смотрела на него, как ребёнок смотрит на звезду: зная, что не дотянуться, но не в силах отвести взгляд.

Станбург был огромен. В нём жили свет и тьма, золото и копоть, мечты и выживание. А я – лишь тень на его улицах.

Мысли уносят меня назад – туда, где всё было иначе. Перед внутренним взором всплывает наш старый дом, укрытый тишиной зелёного квартала, где кусты мирены цвели так

пышно, что казалось – даже воздух становился мягче. Мне снова пятнадцать. В комнате приглушённый свет, книга раскрыта на коленях, страницы шелестят под жадным взглядом. Скоро годовая проверка знаний, и я мечтаю поступить в высшую академию.

Из кухни тянется тёплый, сладковатый аромат – мама печёт тыквенный пирог, мой самый любимый. Его запах до сих пор живёт во мне, как напоминание о доме, которого больше нет. Весёлые голоса перекаываются из комнаты в комнату: мама и пятилетний Ник смеются, накрывая на стол. Он, как всегда, следит, чтобы всё стояло строго симметрично, а мама подыгрывает ему, будто это важнейшая миссия в мире.

Папа должен вот-вот вернуться. Работая в Станбургском университете, он приходил домой поздно, но каждый ужин с ним превращался в праздник.

А потом всё рухнуло. В одночасье. Папа ушёл внезапно, без предупреждения, словно кто-то грубо оборвал нить его жизни. Мы не успели попрощаться. Не успели сказать самого главного. Осталась только пустота – глухая, звенящая, всепоглощающая. Слов не хватит, чтобы передать ту тишину, в которую провалились мы втроём.

Мама, собрав волю в кулак, пошла работать – выбора у

неё не было. Деньги таяли, и вскоре нам пришлось оставить тот уютный дом. Я начала пропускать занятия не по прихоти, а по необходимости. Нужно было помогать. Нужно было взрослеть. Тогда мы и встретили миссис Шарп. Сначала работала на неё мама, потом и я. Я училась шить – быстро, с азартом, с благодарностью. Игла в моих руках стала продолжением мыслей. Через шитьё я возвращала себе ощущение контроля.

Мы перебрались в крошечный домик на самом краю города, где улицы вечно были покрыты грязью, а окна затянуты плёнкой от пыли. Там жизнь текла глухо и вязко. Школу я так и не закончила – мечты о светлом образовании растворились в серых буднях. В королевстве, где всё – от знаний до лечения – продаётся за золото, мечтать о будущем стало непозволительной роскошью.

Каждое утро начиналось с одной и той же мысли: как дотянуть до вечера. Хлеб – чёрствый. Мясо – редкая легенда. И всё же мы держались. Ради Ника. Он болел часто и тяжело, и каждый поход к врачу превращался в испытание – с торгами, унижением и страхом. Без денег здесь не лечат. Здесь забывают. Мир сузился до одной цели – выжить. Помощь приходила редко, почти никогда. Долги сгущались, как тучи перед грозой. Отсутствие отца ощущалось во всём: в неоплаченных счетах, в взглядах соседей, в остром чувстве, что в до-

ме не хватает опоры – голоса, способного сказать: *всё будет хорошо*.

Но мы не сдавались. Я не позволила себе раствориться в этом мраке. В каждом дне искала хотя бы крошку света.

Однажды, в один из таких серых, гнетущих вечеров, мама произнесла фразу, изменившую всё:

– Мы переезжаем. К Филету Килингу.

Её голос был едва слышен, плечи опущены, взгляд пуст – взгляд человека, давно смирившегося с судьбой. Время будто застыло. Это имя уже звучало в наших разговорах – вскользь, обрывками. Его образ вызывал тревогу, словно с ним тянулось что-то холодное и тёмное. Мужчина средних лет, умный, но лишённый тепла, с цепким взглядом и вечной тенью корысти. Его связи с сомнительными людьми и слухи о его делах не оставляли сомнений: он жил на грани закона, если не за ней.

Как она могла? – kloкотало во мне. Ярость вспыхнула беспощадно. Хотелось кричать, убежать, оставить её – так же, как она, казалось, оставляла нас. Но я была связана. Законы королевства держали меня в капкане. Несовершеннолетняя. Бесправная. Как птица в клетке.

Я не могла уйти. Ради Ника. Потеряв отца, он держался за меня, как за последний якорь. Я чувствовала его страх. Мама же будто уходила в себя. Постоянная борьба стерла с её лица прежнюю мягкость. Осталась лишь тихая, уставшая оболочка. Мы всё ещё были рядом, но она была уже далеко.

В те дни я старалась сохранить для Ника хотя бы иллюзию нормальности: учила его читать и считать, вырезала буквы из старых газет, придумывала сказки на ночь – чтобы он мог верить в чудеса. Он улыбался редко, но искренне.

Поначалу жизнь в доме Филета казалась... терпимой. Он изображал заботу, приносил маме мелкие подарки, даже улыбался нам. В этом было что-то неестественное, словно он играл роль доброго хозяина. Я осторожно надеялась: вдруг это шанс? Вдруг он не так плох?

Но иллюзии рассыпались быстро. Его ночи стали уходить в пьяные кутежи, дни – в раздражённое молчание и вспышки гнева. В доме всё чаще появлялись люди, от которых веяло опасностью – грязные, громкие, пропахшие алкоголем. Они пили, орали, и наш дом постепенно превращался в пристанище тех, от кого нормальные люди стараются держаться подальше.

Филет начал срываться – сначала на маму, потом и на нас. Его гнев был непредсказуем. В глазах больше не осталось ни притворной доброжелательности, ни желания угодить. Только злость и холодный расчёт.

А мама... мама исчезала изнутри. Она словно таяла, превращаясь в тень. Синяки на коже она объясняла неловкостью, падениями, дверными ручками. Я не спрашивала – я всё понимала. По ночам, сквозь тонкую стену, я слышала её сдержанные рыдания – те, что разрывают душу не громкостью, а безысходностью.

В такие дни мы с Ником находили убежище у пожилой соседки, миссис Аланы. Она понимала без слов и давала нам ту заботу, которой дома становилось всё меньше.

Мама не могла – или не хотела – уйти от Филета. Он держал её не руками, а страхом, нуждой и обломками надежд. И я всё отчётливее понимала: если мы останемся здесь, нас ждёт не просто бедность. Нас ждёт разрушение – полное и необратимое.

Резкий рывок вагончика вырывает меня из плена тяжёлых воспоминаний. Я оглядываюсь – людей почти не осталось. Пустые взгляды, сгорбленные фигуры, искажённые усталостью лица давно растворились в череде остановок.

За окном пейзаж постепенно меняется: чем дальше от

центра, тем серее становятся улицы, словно кто-то смыл с них краски. Обшарпанные дома с провалившимися крышами, заборы на ржавых гвоздях, колеи, наполненные глинистой жижей. Всё вокруг будто застыло во времени – покинутое, уставшее, забытое.

Иногда мимо проносятся одинокие бродяги – скорее те, чем люди. Одежда болтается на костях, как на плохо собранных марионетках. В воздухе висит сырость, пропитанная отчаянием.

Выхожу на предпоследней остановке. Тяжёлый воздух обволакивает сразу, давит. Иду туда, где мне не хочется быть – в дом, который давно перестал быть пристанищем и стал клеткой. У калитки, едва держащейся на ржавых петлях, на мгновение останавливаюсь. Дом покосился, крыша выглядит так, будто готова рухнуть от первого сильного ветра.

Ступаю на гнилые ступени – они угрожающе скрипят. Я едва успеваю открыть дверь, как оказываюсь в крепких объятиях.

– Ави, ты вернулась! – Ник прижимается ко мне всем телом. В его голосе – радость, упрек и облегчение.

Я целую его в тёмную макушку, чувствуя, как внутри от-

таивает что-то давно замёрзшее. Он ждал. Как всегда.

Но этот короткий миг тепла тут же рушится.

– Где тебя черти носят?! – гулкий, раздражённый голос доносится из глубины дома.

Филет. Его тон хлещет по нервам, как кнут. Я замираю, заставляя себя не дрогнуть. Ник жмётся ко мне, и я мягко направляю его в нашу комнату, а сама иду на кухню.

Филет, как обычно, развалился за столом, будто хозяин жизни. В руке – бутылка мутного пойла. Запах дешёвого алкоголя висит в воздухе. Его глаза мутные, ледяные – в них прячется жестокость.

– Опять задержалась?

– Перепутала выкройку. Пришлось перешивать, – лгу спокойно, хотя внутри всё сжимается.

– А деньги где?

– Миссис Шарп обещала расплатиться в ближайшие дни, – отвечаю ровно, не показывая страха. Я уже не та девчонка, что дрожала от одного его взгляда.

– Если поймаю на вранье – вылетите отсюда оба, – бросает он, отворачиваясь. – Тут не уют. Ты и твой сопливый братец – балласт. Я вас терплю. Пока.

Внутри всё кипит. Хочется закричать, напомнить, кто здесь на самом деле тянет этот дом. Если бы не мои деньги, половину которых он пропивает и проигрывает, мы бы давно умерли с голоду. Но я молчу. У меня нет права. Пока мне не исполнится девятнадцать, по закону я никто. У меня нет опеки над Ником. Всё держится на волоске.

– В напоминаниях не нуждаюсь, – выдавливаю я сквозь зубы.

– Вот и славно, – в его голосе звучит мерзкое удовлетворение, будто он только что выиграл важную для себя битву.

В этот момент в кухню влетает Дора, тяжело дыша. В руках – охапка дров, которые она с грохотом сбрасывает у печи. Женщина средних лет, с растрёпанными светлыми волосами и жёстким, решительным лицом. Она появилась здесь после смерти мамы, и, как бы странно это ни звучало, я была ей благодарна.

Она не была ласковой, мы не делились мыслями и не го-

ворили по душам. Но Дора не позволяла Филету переходить черту. Иногда – одним взглядом. Иногда – резким словом. Без неё нас бы давно вышвырнули. Или хуже.

– Еда остыла, – хмуро говорит она, захлопывая заслонку печи.

– Не голодна, – бросаю через плечо и ухожу в полумрак коридора.

Сзади остаются звуки возни, бряканье посуды и недовольное бурчание.

Я запираю дверь и прохожу вдоль нашей маленькой комнаты с низким потолком – единственного места, где можно выдохнуть. Плюхаюсь на кровать рядом с Ником, ощущая мягкость одеяла, в которое он укутался до самого подбородка, словно в защиту от всего мира.

– Как прошёл твой день? – зеваю я.

– Как всегда. Ничего интересного. Помогал Доре в пекарне.

– А соседский мальчишка больше не задирает тебя?

– После того как я ему навалял, он ко мне больше не сунется, – гордо заявляет Ник.

Я улыбаюсь.

– Ты мой маленький храбрец, – треплю его по волосам.

– Эй! Я не маленький! Мне вообще-то почти восемь, – бурчит он, но в голосе звучит смех.

– Ладно, – примирительно поднимаю руки. – Ты самый смелый и сильный защитник.

Я притягиваю его к себе, крепко обнимаю, чувствуя, как его тепло приносит долгожданное спокойствие.

– Ави? – тихо спрашивает он.

– Что?

– Мне здесь не нравится... Я скучаю по маме и папе. Расскажи про них ещё что-нибудь.

Голос дрожит. В горле встаёт ком, глаза жжёт слезами. Прошёл почти год после маминого приступа, а боль всё так же остра.

– Я знаю, – шепчу я. – Мне тоже их очень не хватает. Но всё изменится. Я обещаю.

Почти каждый вечер мы возвращаемся в воспоминания – к тем дням, где было тепло, смех и семья. Они кажутся такими далёкими, что иногда трудно поверить, что всё это было на самом деле.

Но в эти мгновения, когда мы вместе, я чувствую: память о них жива. И именно она даёт нам силы держаться.

Глава 2

В ранние утренние часы, когда мир ещё дремлет под покровом полумрака, я медленно вынырываю из сна. За окном царит густая темнота, а тени, упрямо скользящие по стенам, словно уговаривают остаться в тёплой постели. Но мастерская не терпит опозданий – приходится вставать ни свет ни заря.

Комнатка кажется такой невзрачной и обветшалой, как будто сама ее древесина помнит множество историй, живущих в её трещинах. Унылые стены окрашены в бледные тона, единственное узкое запыленное окно, в котором рама, от ветра, ходит ходуном, а мебель прошлых лет давно пора отправить на свалку. Встать с постели – настоящая борьба. Под мерное посапывание брата, свернувшегося в клубочек,

направляюсь в ванную, стараясь его не разбудить.

Из ржавого крана вырывается слегка тёплая вода, визгливо протестуя против своего существования. Я наполняю небольшой таз и, опуская в него руки, чувствую, как холод мгновенно пробирает до костей. Умывшись, смотрю в зеркало, которое отражает усталое лицо, обрамленное беспорядком волос.

Бесшумно крадусь по тёмному коридору. До слуха доносится лошадиный храп из дальней комнаты Филета. Отлично, можно не опасаться лицезреть с утра его помятую рожу. Заглядываю на кухню, где время будто застыло. Потемневшие, обшарпанные шкафчики хранят скудные припасы, а старая чугунная плита на столе излучает дух давно ушедших эпох. Здесь, среди ветхих предметов и тусклого света, начинается мой день – с тихой надеждой на лучшую жизнь.

До города добираюсь неспеша, на первом проходящем вагончике.

Старая швейная фабрика на шумной улице встречает меня, как всегда, – величественная в своём упадке. Обветшалые кирпичные стены всё ещё хранят следы былого достоинства. Запылённые окна иногда пропускают солнечные лучи, и те рассыпаются по полу мягкими бликами, играя на потертых деревянных досках.

Внутри уже вовсю кипит работа. Шум десятка машин – стук, шорох, ритмичное стрекотание – смешивается с запа-

хом ткани и свежего холста. Это запах тяжёлого, но по-своему увлекательного труда. На стеллажах аккуратно уложены рулоны тканей: ярко-красные, глубокие синие, нежные пастельные. На длинных столах – куски материи, иглы, катушки ниток и образцы одежды, создаваемые с заботой и терпением.

Поздоровавшись со всеми, занимаю своё уютное рабочее место и с головой погружаюсь в процесс. Часы пролетают незаметно, словно кто-то ускорил ход времени, унося меня в мир нитей и стежков. Надпоминаю сама себе, что сегодня, во время полуденного перерыва, мы договорились встретиться с Вивиан – единственным человеком из прошлого, с кем мне удалось сохранить по-настоящему тёплые отношения.

Мы дружим со школьных лет. Для меня она – как тонкая невидимая нить, связывающая с беззаботными днями юности. После всех испытаний, выпавших на долю нашей семьи, когда мне пришлось оставить школу, Вивиан осталась рядом. Она была одной из немногих, кто находил время выслушать и поддержать.

Перед уходом заглядываю в кабинет миссис Шарп. С утра она объявила, что сегодня рассчитается со всеми за прошедший месяц. Когда долгожданный мешочек с монетами оказывается в моих руках, настроение взмывает вверх. Такое случается нечасто, и сегодня, кажется, ничто не способно его омрачить. Я отсчитываю часть денег за дополнительные часы работы и аккуратно прячу их отдельно – словно малень-

кое сокровище.

С лёгкостью сбегая вниз по витиеватой лестнице, выхожу из здания и направляюсь к Театральной площади, где мы с Вивиан договорились встретиться.

Очень скоро нахожу её на привычном месте, сидящей на изящной резной лавочке у мраморного фонтана. Из его чаши неспешно струится кристально чистая вода, тихо переливаясь на солнце. Вивиан выглядит так, будто сошла со страницы романтического романа: на ней простое, но удивительно элегантное платье нежно-розового оттенка, подчёркивающее её тонкую фигуру. Светлые, слегка волнистые волосы собраны в небрежный пучок, из которого, как всегда, выбиваются несколько упрямых прядей, придавая ей ту самую очаровательную лёгкость и искренность, за которую её невозможно не любить.

Заметив меня, Вивиан расплывается в широкой, почти ослепительной улыбке. Её глаза – чистые, лазурные, словно весеннее небо, – вспыхивают радостью. Она всегда была воплощением доброты и заразительного оптимизма: природная открытость мгновенно располагает к себе, а лёгкий характер делает её любимицей окружающих.

– Ави! – с радостным визгом она бросается ко мне и сжимает в крепких объятиях, как обычно напрочь забывая, что я терпеть их не могу.

– Виви, перестань! Ты меня задушишь, – с трудом вырываюсь я, хватая ртом воздух. – Долго ждала?

– Всего минут десять! – отвечает она. – Еле досидела до конца лекции. Если бы не этот занудный профессор фило-софии, я бы сбежала раньше всех. Мне не терпится увидеть списки! Пойдём быстрее, Ави!

– Подожди, – останавливаю её, когда она уже тянет меня за руку. – Какие ещё списки? Я пришла, как договаривались, отдать тебе монеты.

Достаю мешочек и передаю ей – как всегда, на хранение. Я доверяю ей больше, чем кому бы то ни было. Виви поспешно прячет его в ажурный ридикюль.

– Ави, ты серьёзно? – она изумлённо хлопает ресницами. – Ты забыла? Сегодня объявляют имена тридцати девушек, отобранных для участия в Королевском Отборе!

В голове проясняется. Точно – этот дурацкий отбор, в ко-тором обязали участвовать всех незамужних девушек коро-левства от восемнадцати до двадцати трёх лет. В чередѣ ра-бочих дней и бесконечной суеты я успѣла вычеркнуть его из памяти, как нечто совершенно неважное.

– Виви, мне до этого нет никакого дела, – говорю я как можно спокойнее. – Мне нужно вернуться в мастерскую до конца перерыва.

– Что? Ты даже не пойдѣшь со мной? – в её голосе звенит разочарование.

– Прости. Правда не могу. У меня нет времени на пустое любопытство.

В её глазах вспыхивает знакомая мольба, и я мысленно

вздыхаю. Этот приём она отточила до совершенства: лицо мгновенно принимает выражение бедной, всеми покинутой сиротки, а взгляд становится таким, будто я только что разбила её любимую куклу.

– Ави, ну пожалуйста... – тянет она жалобно. – Это совсем ненадолго. И потом, там наверняка будет толпа. Вдруг в такой суматохе кто-нибудь решит стащить мой ридикюль?

Вот же зараза. Прекрасно знает, на что давить.

– Ты бываешь невыносимой, – вздыхаю я, сдаваясь. – Ладно, идём. Но только потому, что у меня сегодня хорошее настроение.

"И потому что я действительно переживаю за свои монеты," – добавляю про себя.

– Ну-ну, – лукаво улыбается она и берёт меня под руку.

Я хмурюсь для приличия, но улыбка всё равно предательски прорывается наружу – слишком уж заразительная у неё энергия.

Мы пересекаем площадь и идём вдоль ограды из изящного кованого железа, густо оплетённой зелёными лозами, словно сама природа решила смягчить строгие линии городской архитектуры. Я давно не бывала в центральной части города.

Здесь, в самом сердце столицы, всё иначе. Узкие мощёные улочки купаются в мягком солнечном свете, старинные дома с высокими фронтонами и замысловатой лепниной будто хранят дыхание прошлых эпох. Воздух наполнен арома-

тами свежей выпечки и цветущей глицинии. Прохожие спешат мимо – в безупречно скроенных костюмах и элегантных платьях, совсем не таких, какие мы шьём в мастерской. Я невольно рассматриваю их, словно заглядываю в чужую, недоступную мне жизнь.

В памяти всплывает тот день, когда посреди обычного утра в мастерской, пока я возилась с подолом очередного платья, на пороге появился представитель дворца. Холёный, самодовольный, с манерами, явно отрепетированными перед зеркалом. Его надменный голос так раздражал, что мне всерьёз захотелось швырнуть в него катушкой ниток.

Он вручил каждой незамужней девушке подходящего возраста толстый бланк и объявил, что с этого дня начинается Королевский Отбор.

Тогда мне казалось, что всё это – пустая формальность, что никто не воспримет её всерьёз. Но приказ есть приказ. Очередь в правительственное здание растянулась на несколько улиц, а тот день стал одним из самых изнурительных в моей жизни.

Мы простояли почти до вечера под палящим солнцем. Осмотры, измерения, бесконечные вопросы. Размер ноги, цвет волос, состояние здоровья, родословная – в анкете не хватало разве что пункта о любимых блюдах. А затем – фотокарточка. Одна вспышка, и ты уже в чьём-то архиве: одна из сотен, без имени и истории.

Всю дорогу Вивиан, словно сказочница, без умолку рас-

писывала чудеса жизни в королевском замке, которые, по её мнению, ожидали участниц отбора. Её глаза горели, движения становились всё более оживлёнными, а голос звенел восторгом.

– Ты только представь, – захлёбываясь собственными фантазиями, начинает она. – Жить среди роскоши и изысканности! Шумные балы, где в воздухе витает аромат цветов и сладостей, официальные приёмы под музыку, от которой сердца начинают биться в унисон, и королевские пиршества, где столы ломятся от деликатесов! Пышные платья, сверкающие драгоценности... – она мечтательно взмахивает рукой, будто рисуя перед собой картины идеального будущего. – Я бы, наверное, сошла с ума от счастья, окажись я одной из претенденток!

– А мне кажется, кому-то пора спуститься с небес на землю, – не выдерживаю я, стараясь вернуть её к реальности. – Ты же понимаешь, что твой «прекрасный» принц никогда не выберет в жёны простолюдинку. Весь этот фарс под названием «Королевский отбор» – лишь красивый спектакль для публики. Чтобы заткнуть рты слишком любопытным: мол, смотрите, нам небезразлична судьба простого народа, и мы даже готовы снизойти... если, конечно, кому-то несказанно повезёт.

– Ты ужасная пессимистка, Ави! – восклицает Вивиан, искренне поражённая.

– Я просто трезво смотрю на вещи, а не сквозь призму на-

ивной сентиментальности, – отвечаю я. – Вспомни хотя бы прошлый отбор для старшего наследного принца. Мы тогда ещё в школе учились. Все девушки без титулов вылетели уже через неделю. А победила, как и следовало ожидать, очередная графиня.

– Значит, они просто не сумели заинтересовать его должным образом, – уверенно возражает она, словно говорит о давно доказанной истине. – Уверена, если принц искренне полюбит одну из участниц, отсутствие титула не станет для него преградой.

– Ага, конечно. Жди да радуйся, – фыркаю я. – Наверняка для него уже приготовлена безупречная партия в виде знатной герцогини с родословной до седьмого колена.

– Даже если всё так, как ты говоришь, – а я в этом сомневаюсь, – всё равно им невероятно повезёт! – горячо восклицает Вивиан. – Это редчайший шанс: побывать в замке, быть представленной королевской семье!

– Это всё равно что дать ребёнку яркую сладкую конфету, позволить мечтать о ней, а потом отнять, – парирую я. – Оставив после себя лишь горечь и чувство недостижимости.

– Ты просто ничего не понимаешь, Ави, – обиженно бросает она, и в её глазах вспыхивает упрямое разочарование.

Дальше иду молча, бросив попытку донести до нее простые истинны суровой реальности. Когда-нибудь настанет время и её невидимая скорлупа слепой наивности наконец треснет, и тогда стремительная буря жестоких реалий, зато-

пит её мир, приготовив множество испытаний, к которым она вряд ли окажется готова.

Виви тоже больше ничего не говорит. По её взгляду понятно, что она ошиблась в выборе собеседницы, думая что её восторженные чувства будут разделены.

Наконец впереди вырастает здание типографии. Сквозь огромные окна льётся солнечный свет, наполняя внутренние залы движением и теплом. Над крышей возвышается массивная дымовая труба – немой символ непрекращающегося труда, кипящего здесь днём и ночью.

Площадь перед зданием захлёстывает бурлящая толпа девушек. Они кружат вихрем, перекрикивая друг друга, размахивая свежими газетами со списками участниц Королевского отбора. В их глазах – восторг, надежда, нетерпение. Кто-то прыгает от радости, кто-то лихорадочно ищет знакомые имена, обсуждая каждую строчку с дрожащим возбуждением.

Мы с трудом пробираемся сквозь это море голосов и локтей. Я инстинктивно прикрываю Виви, пока она, вцепившись в меня, добирается до окошка и наконец выхватывает заветную газету. Она прижимает её к груди, словно священную реликвию.

Тут же утаскиваю её в сторону – в небольшой сквер под сенью раскидистых деревьев, подальше от истеричного гула и лихорадочного ожидания.

Мы опускаемся на одинокую скамейку под сенью деревьев. Руки Вивиан заметно дрожат, когда она осторожно разворачивает газету и начинает читать вслух – медленно, с придыханием, будто произносит заклинание: имя за именем, строка за строкой.

Я почти не слушаю. Взгляд скользит по прохожим, мысли блуждают где-то далеко – о мастерской, о потерянном рабочем времени, о бессмысленности всего этого... пока вдруг до слуха не долетает моё имя.

Резко поднимаю голову и смотрю на Вивиан, уверенная, что ослышалась.

– Ави Бьёркен, – повторяет она, уже медленнее.

Встречаюсь с непониманием и шоком в глазах напротив. Выхватываю газету из её онемевших рук, чтобы самой убедиться в услышанном.

Привожу пальцем по бумаге, пробегаюсь по строчкам незнакомых имён, пока взгляд не наткнется на моё собственное имя. Мало ли девушек в нашем королевстве с таким же именем, сперва думаю я. Но, видимо, судьба решила, что я ещё недостаточно настрадалась, и решила подшутить надо мной, разыгрывая свой собственный спектакль из неожиданных испытаний, и доказательством этому служит фотография, на которой, без сомнений, изображена я.

Первая мысль, всплывающая в моем помутневшем созна-

нии, что это какая-то ошибка. Не может быть, что среди такого большого количества девушек нашего королевства, не повезло именно мне!

Сердце бешено ускоряет ритм, в голове полнейший хаос из мыслей, как я буду выпутываться из этой ситуации, внезапно возникшей, как гром среди ясного неба.

– Ави, поздравляю тебя! Ты стала одной из тридцати участниц! – произнесла Вивиан с неверящим голосом.

Её возглас вырвал меня из состояния ступора. От неожиданного потрясения я даже успела про неё забыть.

– Что ты такое несёшь? Какие поздравления, Виви? Я не собираюсь участвовать в этой клоунаде! – ответила я, стараясь скрыть растерянность.

Вивиан, не обращая внимания на мой протест, наклонилась, подобрала газету, упавшую из моих рук, перевернула страницу и поднесла её к моему лицу.

– Ну вот же, смотри. Здесь написано, что завтра с утра всем конкурсанткам, для дальнейшего участия в отборе, велено явиться в правительственное здание. Дальше, после всех формальностей, вас доставят в королевский замок, – сказала она, указывая на текст.

Я снова грубо вырвала у неё из рук эту чёртову газетёнку и внимательно прочитала статью до конца.

Королевская газета "Светлые Врата"

Дорогие дамы и уважаемые читатели!

С радостью сообщаем, что долгожданный королевский отбор претенденток на сердце нашего дорогого Принца Калистена завершился! После тщательного и пристального рассмотрения всех заявок, путем случайной жеребьевки, были отобраны тридцать самых достойных и прекрасных невест, которые будут представлены при дворе.

Всем участницам предстоит жить во дворце, посещать различные мероприятия, на которых они продемонстрируют своё обаяние, творческие способности, интеллигентность, умение держаться на публике, знание придворного этикета, смелость и многие качества, которыми должна обладать будущая принцесса. Также, у каждой претендентки будет невероятная возможность, поближе познакомиться с принцем на индивидуальных свиданиях.

За отбором будут тщательно следить члены королевской семьи, совет и опытные наставники, которые помогут

каждой даме раскрыть свой потенциал. Все девушки, которые сумеют преодолеть нелегкий отбор и окажутся в финале, получат щедрое вознаграждение, которое станет не только символом их смелости и упорства, но и откроет перед ними новые горизонты возможностей.

Далее следует длинный список имён, который я пропускаю за ненужностью.

Всем участницам, в строгом порядке, следует явиться в правительственное здание, расположенное на Брукфилдской площади. При себе иметь только самые ценные вещи и грамоту, подтверждающую вашу личность, всем необходимым вас обеспечат во дворце. После тщательной проверки и досмотра, все участницы будут доставлены во дворец. Неповиновение расценивается как оскорблением и приравнивается к государственной измене!

Желаем всем участницам отбора удачи! Продолжайте следить за новостными сводками, и вы будете первыми в курсе всех захватывающих подробностей этого увлекательного события.

С уважением,

Редакция "Светлых Врат"

Я замерла на месте в состоянии полного замешательства, как будто время остановилось, а окружающий мир стал размытым и неясным. Мысли метаются, как птицы в клетке, и каждая попытка осознать произошедшее лишь усиливала ощущение безысходности. Проблема, внезапно обрушившаяся на меня, полностью меняла все мои планы.

Схватив Вивиан за запястье, я бросила взгляд на её изящные наручные часы. Время поджимало, и его у меня оставалось совсем немного. Скомкав газету, я выбросила её в урну и поспешила к ближайшей остановке.

– Ави! Постой, куда же ты? – еле поспевая за мной, воскликнула она, её голос звучал полон тревоги.

– Мне нужны все монеты, которые я накопила. Ты сможешь передать их мне сегодня? – спросила я, стараясь не сбавлять темп.

– Разумеется, но они вряд ли тебе понадобятся во дворце, – ответила Вивиан, её глаза полны недоумения.

– Конечно, не понадобятся, потому что меня там не будет, – бросила я, не останавливаясь.

– Что ты задумала, Ави? Ты же сама читала, что сулит за неповиновение! – её голос звучал всё более настойчиво, но ветер уносил слова прочь.

Добежав до остановки, я обняла Вивиан, стараясь передать ей хоть каплю уверенности.

– Я всё объясню позже, не переживай! Увидимся вечером, – сказала я, и, не дождавшись ответа, запрыгнула в уходящий вагончик.

Глава 3

Нервно тереблю рукав вязаного свитера, сидя в душном вагончике, который, будто издеваясь, ползёт со скоростью улитки. За мутным стеклом проплывают размытые силуэты улиц, а в голове снова и снова крутится один и тот же вопрос – что делать дальше?

Никак не укладывается в сознании, что одна нелепая случайность смогла разрушить планы, к которым я шла месяцами, шаг за шагом, выверяя каждый ход. Всё, что казалось прочным и продуманным, рассыпалось в одно мгновение, будто картонный домик.

Сейчас главное – как можно быстрее забрать Ника из дома Филета. А потом исчезнуть. Найти место, где нас не смогут отыскать. Мне нужно время. Совсем немного, чтобы всё обдумать и понять, как быть дальше.

Мой план был прост. Я должна была дожидаться девятнадцатилетия. К тому времени Вивиан обещала договориться со своей тёткой из королевской канцелярии. С её помощью я надеялась оформить опеку над Ником – официально, законно. Я откладывала каждую монету, отказывая себе во всём, чтобы купить два билета на корабль и уплыть прочь. Подальше от этого прогнившего королевства, где у простых людей нет ни прав, ни будущего.

Да, в соседнем королевстве тоже хватает бедности и несправедливости, но там хотя бы есть бесплатное образование. Там у Ника появился бы шанс. А у меня – возможность начать жизнь без постоянного страха и борьбы за выживание.

Но всё, как всегда, пошло не так. Стоит только выстроить что-то хрупкое – и оно тут же рушится. Теперь я снова стою у края пропасти, держась за единственное – желание спасти брата и не сойти с ума.

Наконец вагончик останавливается. Выскакиваю наружу и почти бегом направляюсь к дому. Прокравшись внутрь, первым делом заглядываю на кухню. Пусто. Дора с Ником, должно быть, всё ещё в пекарне. Отлично – оттуда я его и заберу. Остаётся надеяться, что Килинг, как обычно, протирает штаны в какой-нибудь питейной.

С облегчением выдыхаю и тихо иду по коридору в нашу с братом комнату. Из-под кровати вытаскиваю старый, потрё-

панный чемодан и начинаю лихорадочно складывать вещи. Благо их у нас не так много.

– Далеко собралась? – сквозь разум прорывается внезапный голос.

Холод пробегает по позвоночнику. Я вздрагиваю от неожиданности.

Филет.

Чёрт бы его побрал.

Разворачиваюсь резко, дыхание сбивается. Пульс бьёт в ушах, как барабан.

– Это не твоё дело, – рявкаю, пытаюсь скрыть паническое волнение. Но голос звучит чересчур напряжённо, выдает меня с головой.

Сердце пропускает удар. Боже, нет! Только не это! Взгляд сразу же падает на злосчастную газету в его руках, которую мне уже посчастливилось лицезреть сегодня. Он всё знает, и нет смысла пытаться как-то выкрутиться. Поспешно захлопываю чемодан и делаю шаг в сторону двери, но он уже стоит в проходе, загородив его своим массивным телом, как железный запор. Взгляд тяжелый, цепкий, с долей мерзкого удо-

ВОЛЬСТВИЯ.

– Дай пройти! – требую, сдерживая дрожь в голосе.

Он мгновенно срывается. Резким движением хватает меня за волосы у затылка и тянет на себя. Я почти теряю равновесие – теперь его отвратительное лицо в нескольких сантиметрах от моего. От него несёт прокисшей выпивкой, потом и гнилой злобой.

– Мне повторить вопрос? – рычит он, голос – глухой, хриплый, пропитанный угрозой.

– Пусти! – пытаюсь оттолкнуться, упираясь рукой в его грудь.

В следующее мгновение – резкий рывок. Меня швыряет на пол. Удар приходится на край кровати, по спине проходит вспышка боли, дыхание сбивается. Чемодан выскальзывает из рук, и вещи разлетаются по полу, как пух из разорванной подушки.

– Решила, что так просто сможешь сбежать, кинув меня? – кричит он, словно невменяемый.

– Чего тебе нужно? Ты же сам всегда упрекаешь нас в том,

что мы как бельмо у тебя на глазу. Вот же, мы уходим! Радуйся, тебе больше не придется кормить лишние рты. — стараюсь говорить спокойно, хотя внутри всё трясётся от охватившего меня страха.

— Ты меня за идиота держишь? — швыряет мне в лицо газету. — Думаю, объяснять не нужно; по глазам вижу, что ты уже в курсе.

И тут меня осеняет. Ну конечно же, вознаграждение — могла бы сразу догадаться. Он никогда не упустит своего. Решил, что я сбегая, чтобы всё досталось мне одной.

— Послушай, — пытаюсь его вразумить. — Ты не так все понял. Я не буду в этом участвовать, — произношу, трясая газетой.

— Ещё как будешь! — говорит с наигранной злой улыбкой. — Видела бы ты, что сегодня творилось в трактире у Пита, когда туда долетели эти занимательные новости. Никогда не видел там такой шумихи.

— При чём здесь я? — вся сжалась, предчувствуя неладное.

— При том, что как только я увидел твоё имя, сначала не поверил своим глазам. Потом поразмыслил и решил, что

это большая удача, которая сама плывёт мне в руки. Народ с нетерпением начал делать ставки, предвкушая, чьи имена участниц окажутся в финале, и я, рискнул вложить в тебя огромную сумму монет в долг. Так что ты поедешь туда, и сделаешь все возможное, чтобы оказаться в финале, – с нажимом выплюнул каждое слово.

На глаза моментально наворачиваются слёзы, а в голове проносятся картинки из прошлого – одна ужаснее другой. Он опять это сделал!

– Ты ненормальный? Как, по твоему, я это устрою? С чего ты вообще решил, что у меня получится?

– О, об этом можешь не переживать, я уже обо всём позаботился. Кстати, где же наш Ник? Кажется, он давно должен был вернуться. Ниик, ты где? Выходи давай, – издевательски кривляется он.

Холодный пот ужаса стекает по спине.

– Что ты с ним сделал? Где он? – вскакиваю на ноги, готовая вцепиться в ублюдка напротив.

– Пока ничего. Видишь ли, теперь его благополучное состояние в твоих руках и полностью зависит от твоих даль-

нейших действий. Ну же, Ави, не стоит подводить своего любимого братца.

– Ник! – как можно громче кричу я.

Снова пытаюсь выбраться из комнаты, и в этот раз Филет спокойно разрешает мне пройти. Я начинаю заглядывать в каждую комнату, зовя брата, но везде натываюсь на одну пустоту.

– Можешь не надрывать так своё горло. Ты действительно думаешь, что я так глуп и буду держать его где-то здесь? – усмехается этот идиот.

– Только попробуй хоть пальцем его тронь! – глядя в его глаза, угрожающе выпаливаю я.

– Думаю, ты не в том состоянии, чтобы запугивать меня. Надеюсь, теперь до тебя дошло, насколько велики мои намерения? – грубо схватив за плечо, он тащит упирающуюся меня по коридору.

– Сегодня переночуешь в погребке, будет время всё как следует обдумать. И даже не пытайся бежать, тебе всё равно его не найти. Лучше подумай, чем будешь околпачивать принца, – смеётся он. – Отдохни, завтра у тебя весьма насы-

щенный денёк. — Толкнув меня в проём на полу, он закрывает дверь на засов.

Кубарем сваливаюсь с деревянной лестницы, чудом не переломав себе все конечности. Кругом крошечная тьма. Ползком добираюсь до стены и пытаюсь на ощупь найти выключатель. Есть! Тусклый свет маленькой лампы освещает место моего заточения, пропитанное запахом гнили. Обвожу взглядом деревянные стены, покрывшиеся плесенью, и осторожно ступаю по скрипучему полу, усыпанному обломками старых ящиков и пыльных банок.

В груди разгорается пожар тревоги. В десятый раз обхожу по кругу злосчастный погреб, ища хоть какую-нибудь лазейку. Ничего не нахожу, ни малейшего шанса на побег. Мысли о том, что с братом в этот момент может происходить что-то ужасное, сжимают мое сердце в железные тиски. Съезжаю спиной по стене, обхватываю себя руками, пытаюсь успокоиться. Но страх лишь усиливается, как волны, накатывающиеся на берег. И только в этот момент понимаю, что я в тупике. Даже если бы мне удалось сбежать, я в полнейшем неведении, где этот урод прячет Ника. Да и до моего девятнадцатилетия еще долгих три месяца, а вывезти брата за пределы королевства без официального разрешения мне вряд ли удастся.

Каждый раз, когда мне казалось, что хуже уже не будет, и я познала все сложности жизни, как она вновь и вновь возвращает меня в мой персональный ад, тыкая лицом в место, где страх и безысходность сливаются в единое целое, заставляя меня переживать все те муки, которые я пытаюсь оставить позади.

Я бессовестно сдаюсь, и слезы, которые когда-то я поклялась скрывать от мира, начинают катиться по щекам, словно ручьи, вырывающиеся из-под ледяного покрова, обнажая все те чувства, которые я так долго прятала. В этот момент я понимаю, что больше не могу сдерживать свою уязвимость, как будто сама тьма погребя вырвала из меня этот крик души, заставляя меня вновь столкнуться с теми страхами, которые я пыталась забыть.

Год назад.

Сквозь разорванные облака пробиваются солнечные лучи – робкие, осторожные, будто мир после дождя боится дышать слишком громко. Я выхожу во двор с корзиной мокрого белья и на мгновение замираю, глубоко вдыхая свежий воздух. Он холодит лёгкие и обманывает – словно всё ещё может быть хорошо. Словно утрата не выжгла внутри пустоту.

Думаю о том, что сегодня стоит силком вытащить брата на свежий воздух, поскольку он уже неделю не выходит из комнаты, молчит и ни с кем не разговаривает. Так больше не может продолжаться. Понимаю, что смерть мамы слишком сильно отразилась на нём, и его хрупкому сознанию сложно смириться с таким жестоким ударом. Но его жизнь только начинается, и если он сейчас поддастся сомнениям и замкнётся в себе, то безжалостная реальность раздавит его. Поэтому я обязана научить Ника быть сильным духом и никогда не сдаваться, чтобы он смог смело противостоять всем испытаниям, которые приготовила для него злодейка судьба. Не понимаю, как сама ещё не сошла с ума от пережитого потрясения; только лишь мысли о брате держат меня на плаву. Теперь у него, кроме меня, никого нет.

Слышу позади себя приближающиеся шаги, разворачиваюсь и вижу Филета. Всё его перекошенное лицо изуродовано свежими синяками и ссадинами. Даже представить себе боюсь истинную причину их происхождения. Последнюю неделю он практически не появлялся дома, а если и приходил, то был безбожно пьян.

— А вот ты где прячешься. Собирайся, сегодня ты идёшь со мной, — заявляет Филет и, не дожидаясь ответа, хватается за мой локоть, начиная тянуть к дому.

– Никуда я с тобой не пойду, пока не объяснишь, в чём дело, – упираюсь я.

Он резко останавливается, и какое-то мгновение просто молча смотрит на меня. В его взгляде читается раздражение.

– У одного господина заболела горничная, – наконец спокойно произносит он. – Я договорился, чтобы ты подменила её на сегодня. Работа не пыльная. Ты же не всерьёз рассчитывала вечно жить у меня за даром?

Смотрю ему в лицо, и внутри всё холодеет. Слишком уж ровный у него голос. Слишком гладкая речь.

– Ладно, говори, где он живёт. Я зайду позже, сама, – говорю сдержанно, прикидывая пути отхода.

– Нет, – рявкает он, уже без намёка на доброжелательность. – Мы идём сейчас. Я отведу тебя сам.

Судя по его тону, возражения не принимаются. Сжимаю губы, чтобы не выдать дрожь в голосе, и молча следую за ним.

До места добираемся на вагончике. Он едет в тишине, а я пытаюсь угадать, почему у меня внутри такое сильное чувство тревоги. Когда мы наконец подъезжаем, перед нами открывается вид на красивый, ухоженный каменный особняк. Двухэтажный, с аккуратным садом и резными ставнями. Здесь явно живут люди с деньгами. А за деньгами – почти всегда прячется нечто тёмное.

Пока мы ждём, когда нам откроют дверь, я украдкой люблюсь садом, скрытым за домом. Тихий, ухоженный уголок, будто вырезанный из другой жизни. Пышные кусты роз, аккуратно подстриженные живые изгороди и кованая скамейка под яблоней придают этому месту почти сказочную безмятежность.

Щелчок замка возвращает меня в реальность – дверь распахивается, впуская нас внутрь. На пороге появляется хозяин дома: высокий мужчина средних лет, с гладко зачёсанными назад мокрыми волосами. На нём длинный клетчатый халат, будто накинутый поспешно. Его взгляд скользит по мне с ленивой дотошностью – с макушки до пят, будто я вещь, выставленная на витрину.

– Я привёл тебе замену, – неотрывно глядя на реакцию мужчины, произносит Филета.

– Сойдёт, – бросает тот после короткой паузы. – Поднимайся наверх и жди меня там, – даже не представившись, приказывает напыщенный индюк.

Поднимаюсь на второй этаж, как было велено, и начинаю разглядывать фронт работы. Здесь широкий коридор с паркетными полами, стены обиты тёмным деревом. В самом конце стоит громоздкий шкаф, заставленный фарфором: чайники, чашки, вазы. Над старинным комодом тикают антикварные часы с массивным маятником, и в их тиканье есть что-то зловещее, как будто время в этом доме идёт по своим правилам. Главное – ничего не уронить и не разбить. Здесь всё выглядит так, будто стоит дороже меня самой.

Слышу скрип закрывающейся двери, а затем звуки поднимающихся по лестнице шагов.

– Как тебя зовут? – спрашивает мужчина, поднимаясь на второй этаж. Голос у него ровный, почти ленивый, но в глазах – нечто настороженное, будто он оценивает добычу.

– Ави, – отвечаю, с трудом сохраняя спокойствие в голосе.

– Ави... – нарочито медленно повторяет он, смакуя каж-

дую букву, как будто пробует её на вкус. – Идём.

Иду за ним, ступая всё тише, будто надеясь стать невидимой. Мы входим в просторную комнату с тусклым светом. В центре – массивная кровать с бархатным покрывалом, по углам – плотные шторы, не пропускающие дневной свет.

Не успеваю опомниться, как он резко притягивает меня к себе, прижимая спиной к своему телу. Его губы обжигают, касаясь изгиба моей шеи – мерзкий, чужой поцелуй, от которого по коже бегут мурашки ужаса.

Действую на инстинктах – со всей силы бью локтем ему в живот. Он отскакивает, сжавшись от боли.

– Ты с ума сошла, идиотка?! – срывается он, сипло рыча.

Отскакиваю вглубь комнаты, сердце колотится так, что кажется, его стук слышен даже сквозь стены. Схватываю с тумбочки тяжелую лампу и поднимаю её над головой – оружие отчаянья.

– Только попробуй подойти! – голос дрожит, но я стараюсь выглядеть уверенно.

Он усмехается, словно развлекается, и с хищным спокойствием закрывает дверь на замок. Ключ – в карман халата.

– Филет предупреждал, что ты с характером, – тягуче произносит он, начиная надвигаться.

– Он тебя убьёт, если узнает, что ты меня хоть пальцем тронул, – бросаю ему, и сама не узнаю свой голос, в нём надежда и страх, вперемишку с бессильной яростью. Я вру, но мне нужно время.

– Убьёт? – его губы изгибаются в оскале. – Смешная. Он сам привёл тебя ко мне. В уплату за свои долги.

Слова режут слух, словно плетью по коже. Но именно в этот момент страх начинает уступать место чему-то другому, обжигающей ярости.

Чувствую себя предательски обманутой, хотя чему я удивляюсь, это же Филет – бездушная мразь, который готов на все, ради собственной выгоды.

Мужчина продолжает приближаться, его глаза блестят жадностью. Крепче сжимаю лампу, стараясь не показать, насколько я напугана.

Он делает шаг вперед, и я ощущаю, как пространство между нами сжимается до предела, внутренний голос кричит, что мне нужно бежать, но ноги словно приросли к полу. Я заставляю себя взглянуть ему в глаза, надеясь, что в них увижу хоть каплю человечности, но вместо этого нахожу лишь холодный блеск, полный жадности и удовольствия от моего страха.

— Ты думаешь, что можешь напугать меня этой игрушкой? — насмехается он, указывая на лампу, как будто это абсолютно бесполезная вещь. Но я мысленно молюсь, что она может стать моим единственным шансом.

В этот момент внутри меня что-то щелкает, и, собрав все свои силы, замахиваюсь и бросаю лампу в его сторону. Она разбивается о пол, но это отвлекает его, и в этот миг я бросаюсь в другую сторону.

Мчусь к окну, пытаюсь открыть его, но оно оказывается запечатанным. В панике оглядываюсь назад и вижу, как злобная ухмылка играет на его губах. Бегство становится невозможным, и я понимаю, что должна принять этот неравный бой.

Тот день стал роковым поворотом в моей жизни, перевернувшим ее с ног на голову. Все то светлое и радост-

ное, что когда-либо наполняло мою душу, внезапно исчезло, оставив лишь пустую оболочку. С тех пор мой мир превратился в мрачный лабиринт, состоящий из трудностей и неудач, из которого мне никогда не выбраться.

Скрип открывающейся двери, будит меня. Все тело затекло от неудобной позы. Видимо от пережитого стресса, я не заметила, как провалилась в сон. В проем погребца появляется лицо Доры.

– Ну чего застыла, вылезай давай. Нам ещё нужно успеть собраться, – пыхтя, проговаривает она.

Резко подскочив, начинаю забирается по лестнице ведущей на свободу. Выскочив из погребца сжимаю Дору в объятиях, полных умоляющего отчаяния.

– Дора, пожалуйста, скажи, где он держит Ника, – прошу, с надеждой в голосе, – помоги нам! Я обещаю, мы уйдем и больше никогда вас не побеспокоим.

– Даже не смей об этом думать, – произнесла она с холодной решимостью, – Филет велел мне предупредить тебя о последствиях, так что не глупи и иди умывайся; с твоим братом всё в порядке, он жив и здоров, а ты ведёшь себя так, словно тебя отправляют на каторгу, а не в роскошный дворец.

Видно, что Дора и наполовину не осведомлена о том, насколько ужасен Филет.

Толкаю дверь ванной, пряча свое разочарование за ее хлипкими стенами. Надеяться на помощь этой женщины было глупо: несмотря на ее слабые рычаги давления на Филета, в моменты истинного конфликта она всегда выбирала его сторону. В мире, где каждая тень кажется угрозой, она предпочтет остаться в комфорте привычного, даже если это значит предательство.

Приведя себя в порядок, медленно возвращаюсь в комнату. Взгляд сразу цепляется за яркое пятно на кровати – алый кусок ткани. Подхожу ближе и понимаю, что это платье. Поднимаю его за тонкие бретели – глубокий вырез, нелепые рюши, обнажающие больше, чем прикрывающие. Ткань дешёвая, фасон вызывающий. Всё в этом наряде кричит о вульгарности и безвкусице.

– Это ещё что за кошмар? – с отвращением спрашиваю Дору, которая заходит следом.

– Это твой наряд, – отвечает она с каким-то странным воодушевлением. – Филет сам выбрал. Красивое, правда?

Смотрю на неё, не веря своим ушам. Неужели она это всерьёз? У неё что, проблемы со зрением? Платье выглядит так, словно его сняли с пьяной уличной девки.

– Я это не надену, – шиплю сквозь зубы и швыряю тряпку обратно на кровать.

– Тогда пойдешь голая, – из коридора раздаётся грубый голос, от которого меня передёргивает. – Что вы копаетесь?! Мы уже опаздываем! – рычит Филет.

Он – как оживлённая угроза, как палач, которому не нужно топор – достаточно голоса. У меня перехватывает дыхание от смеси ярости и бессилия. Платье на кровати пылает, как мишень, как клеймо. И выбора, как обычно, у меня нет.

Глава 4

До правительственного здания королевской резиденции на Брукфилдской площади мы добирались в гробовом молчании. Я не просто не хотела сидеть рядом с Филетом – каждый раз, когда мой взгляд случайно задерживался на нём, меня охватывало острое, почти физическое желание либо задушить его, либо сбросить под колёса вагончика. Этот урод даже не дал мне возможности попрощаться с братом. Кто знает, как долго мне придётся находиться во дворце? Мы с Ником никогда не расставались больше чем на день.

Когда мы наконец прибыли, я невольно замерла от удивления. Мне ещё ни разу не доводилось подходить так близко к этому величественному зданию – воплощению силы и изящества. Его фасад украшали массивные каменные колонны, возвышающиеся, словно стражи времени, и поддерживающие изящные балюстрады. На них располагались мифические рыцари, высеченные из камня: их могучие руки, почти живые, удерживали архитектурные элементы, создавая ощущение защиты и незыблемого величия.

Внутри нас встретил просторный холл, залитый мягким светом, проникавшим сквозь высокие окна. В самом центре возвышалась витая парадная лестница, ведущая на второй

этаж. Мраморные ступени переливались холодным блеском, а золотые элементы отделки подчёркивали торжественность этого места.

Именно здесь заседал совет – те, кто управлял судьбами народа, поддерживая иллюзию справедливости и верности традициям. Здесь принимались решения, о которых простые люди могли лишь догадываться. И именно сюда меня сейчас привели.

Всё вокруг бурлило суетой и напряжённым ожиданием. Казалось, я попала в цветущую оранжерею, только вместо растений здесь были десятки девушек в ярких, пёстрых нарядах. Воздух был густо пропитан ароматами духов – настолько насыщенными, что у меня тут же закружилась голова. Парфюмерный туман, смешанный с адреналином и лёгкой истерикой, создавал ощущение полной нереальности происходящего.

Каждая старалась выделиться. Одна выбрала платье цвета морской волны, расшитое тонкими узорами, переливающимися при каждом движении. Другая – дерзкое, солнечно-жёлтое, подчёркивающее хрупкость юной фигуры. Кто-то щеголял в воздушных многослойных юбках, туго затянутых корсетах и сложных причёсках, усыпанных драгоценными заколками и живыми цветами. Даже в мастерской миссис

Шарп я не видела такого разнообразия фасонов и стилей.

Что уж говорить – я и сама выглядела примерно так же... за одним исключением. Мой наряд совершенно не подходил для подобного мероприятия. Скорее я напоминала девушку, собравшуюся провести вечер в сомнительной компании похотливых мужчин и алкоголя в каком-нибудь захудалом трактире. Но этому тупоголовому Филету было не дано понять, как должна выглядеть девушка, претендующая на место в высшем обществе. Я кожей ощущала взгляды, полные презрения и недоумения, брошенные в мою сторону. Честно говоря, окажись на их месте, пожалуй, реагировала так же, не будь я в главной роли.

Некоторые девушки сбивались в кучки, о чём-то шушукались и хихикали. Рядом толпились родственники – с переполненными гордостью лицами, раздавая советы и подбадривая участниц. Сами же девушки изучали друг друга оценивающими взглядами, безошибочно прикидывая собственные шансы на успех.

Атмосфера сгущалась. В воздухе витали зависть, соперничество и напряжённая готовность к бою. Каждая из них, при всей своей нарядной внешности, была хищницей, готовой перегрызть горло ради победы. И посреди этого хаоса стояла я – словно тень, по ошибке занесённая сюда, наблю-

дая за происходящим с лёгкой усмешкой. Как же они были наивны. В их глазах светилась надежда, когда они обсуждали свои шансы завоевать сердце принца. Для меня же всё это выглядело комично и нелепо. Я заметила, как одна из девушек с длинными русыми кудрями нервно поправляла платье, будто оно могло сделать её более привлекательной, в то время как её тётя с серьёзным видом делала замечания о правильной осанке.

Участниц по одной приглашали подняться на второй этаж. Мы сидели в ожидании своей очереди, окружённые шумом и гомоном. Даже по лицу Филета было заметно, что он слегка в шоке от такой «весёлой» обстановкой.

Моё терпение подходило к концу. Я чувствовала, как внутри нарастает раздражение и злость – на этих глупых девиц, искренне веривших в то, что судьба может улыбнуться именно им.

Так прошло несколько часов, прежде чем наконец прозвучало моё имя. Филет вскочил, как ужаленный, будто участие предстояло принимать ему, а не мне. Он даже принарядился ради такого случая – уж слишком ему не терпелось узнать все условия, а главное – размер вознаграждения.

Нас повели по длинному коридору с бесконечной чередой дверей. В одну из них Филет зашёл первым, представившись

моим родственником, чтобы уладить бумажные формальности. Меня же отвели в лазарет. Там седовласый мужчина в круглых очках тщательно измерил все показатели, осмотрел меня с головы до ног и задал, казалось, добрую сотню вопросов. Лишь после этого меня направили в зал ожидания, откуда участниц должны были отправлять во дворец.

Не успела сделать и пары шагов к ближайшему дивану, как чьи-то хрупкие руки стремительно сковали меня в объятиях.

– Ави! – взволнованно выдохнула Вивиан. – Я так переживала... Боялась, что не успею и тебя уже увезли во дворец!

Я едва не расплакалась – никогда прежде не была так рада её видеть.

– Как ты сюда пробралась? Здесь же охрана на каждом шагу!

– Тётя помогла. Когда ты вчера не вернулась, я чуть с ума не сошла! Думала, ты вляпалась во что-то по-настоящему серьёзное, – торопливо проговорила она и достала из сумки небольшой мешочек. – Вот, держи. Все монеты, как и обещала.

Я резко огляделась по сторонам и тут же сунула мешочек обратно ей в руки.

– Спрячь. Если Филет их заметит, проблем не оберёшься. Мне всё равно придётся ехать во дворец, а пока меня не будет – побереги их.

Вивиан кивнула, и я сразу перешла на более сдержанный, серьёзный тон.

– Теперь слушай внимательно. Филет где-то прячет Ника. Пожалуйста, постарайся выяснить, где именно и всё ли с ним в порядке. Я попробую найти способ с тобой связаться.

– Конечно. Не переживай, я сделаю всё, что смогу.

– Спасибо. Это очень важно для меня, – тихо сказала я, притягивая её к себе и обнимая. Как ни странно, иногда объятия действительно помогают удержаться на плаву.

– Что это за ужасное платье на тебе? – вдруг воскликнула Вивиан, с недоумением оглядывая меня.

– Даже не спрашивай. Мои мучения начались намного раньше, чем у остальных. Тебе лучше уйти – не хочу, чтобы Филет тебя заметил.

– Ладно... – вздохнула она, но, прежде чем отвернуться, добавила: – Ави, если принц тебя не выберет, он будет полным дураком. Ни одна из этих девиц с тобой и рядом не стояла.

– Боже упаси, надеюсь, этого никогда не произойдёт! – воскликнула я, убеждаясь, что в её голове, действительно, слишком много глупых фантазий.

Мы успели вовремя попрощаться, когда из коридора выплыл довольный Филет. Следом за ним шла одна из участниц в сопровождении родственников. Мужчина у двери жестом пригласил нас проследовать за ним к выходу с противоположной стороны здания.

Во внутреннем дворике уже ожидали автомобили – роскошные, сверкающие, словно сошедшие с глянцевых иллюстраций. Именно они должны были доставить участниц во дворец.

Меня и девушку, шедшую рядом, подвели к одному из автомобилей – подлинному воплощению королевского статуса и холодной, безупречной роскоши.

Машина поражала своим совершенством. Кузов переливался глубоким бордовым цветом – благородным, почти тор-

жественным. Каждая линия была выверена до идеала: плавные изгибы, округлые формы, словно созданные не для скорости, а для того, чтобы внушать восхищение и подчёркивать власть. На капоте золотом сверкал герб королевской семьи.

Нам позволили попрощаться с близкими. Родственники девушки тут же бросились к ней с объятиями, кто-то расплакался, превратив прощание в театральную сцену. Я же, не в силах выносить этот фарс, молча направилась к автомобилю. Единственное, что действительно радовало, – в каждой машине ехали по две участницы. Значит, хотя бы часть дороги мне удастся провести в относительной тишине.

Я почти дошла до дверцы, когда меня перехватила крепкая рука Филета. С видом заботливого провожатого он будто приобнял меня за плечи, но пальцы вонзились в предплечье с такой силой, что боль вспыхнула мгновенно. Он наклонился ближе и, почти не шевеля губами, прошепел:

– Один неверный шаг – и ты больше никогда не увидишь своего сопляка. Уяснила?

– Да, – выдохнула сквозь зубы. Голос дрожал от ярости, а не от страха.

Выдернула руку из его хватки, не удостоив его даже взглядом, и шагнула в салон, с силой захлопнув дверь. Я ненавидела его всей душой. Каждая секунда рядом с Филетом была похожа на яд, медленно растекающийся по венам.

Как только вторая участница заняла своё место, автомобиль тронулся. Пока девушка у окна старательно махала рукой и изображала до слёз растроганную разлукой барышню, я позволила себе осмотреться.

Внутри царила выверенная, почти демонстративная роскошь. Мягкие кожаные сиденья тёмно-зелёного цвета были прошиты золотыми нитями, создавая ощущение уюта и дорогостоящей надёжности. Панель управления и детали интерьера, выполненные вручную, говорили о высочайшем мастерстве.

С каждой минутой напряжение нарастало. Я старалась сосредоточиться на дороге, на мелькающих за стеклом улицах, но мысли о том, что ждёт меня впереди, не отпускали. Я ловила взгляды прохожих – радостные, гордые, полные восторга. Для них это было событие, праздник. Для меня – медленное движение в сторону клетки.

Каждый поворот дороги приближал меня к неизбежному. Я всё острее чувствовала, что этот день станет переломным. Глубоко вздохнув, попыталась унять дрожь в руках и снова посмотрела в окно, отчаянно надеясь, что за следующим поворотом меня ждёт нечто большее, чем просто продолжение кошмара.

– Привет! Кажется, мы ещё не успели познакомиться. Я Клара Моретти! – бодро раздалось рядом.

Я оторвала взгляд от окна и повернулась к ней. Девушка с сияющей улыбкой протягивала мне руку. Её запястье укра-

шал тонкий браслет с единственной жемчужиной – крошечная деталь, но и она казалась тщательно продуманной.

– Ави Бьёркен, – нехотя ответила я, пожимая её ладонь.

– Ого... – выражение её лица тут же изменилось: улыбка погасла, уступив место сочувствию. – Мне жаль. Правда.

– Это ещё почему? – нахмурилась я.

– Сегодня утром я видела список участниц. Имена там расположены в зависимости от шансов дойти до финала. Мой отец участвует в ставках... Твоё имя – последнее, – сказала она тихо, будто боялась ранить меня. В её глазах мелькнуло искреннее сожаление.

А меня это неожиданно развеселило. Как можно судить о шансах, основываясь на каких-то абстрактных данных? Кто вообще составляет эти списки, если они никогда не встречались с участницами? Все их предположения основаны лишь на маленьких фотографиях в газете?

– Ничего страшного, – ответила я с лёгкой усмешкой. – Думаю, как-нибудь переживу.

Я внимательнее присмотрелась к Кларе. У неё были длинные русые, волнистые волосы, которые она то и дело машинально поправляла, словно это входило в какой-то личный ритуал. В её глазах искрилось неподдельное любопытство, а на губах играла открытая, располагающая улыбка – та самая, что мгновенно располагает к себе и обезоруживает.

Пока мы ехали, Клара не замолкала ни на секунду, будто в ней открылся неиссякаемый поток слов.

– Ты даже не представляешь, какие тут все интересные! – щебетала она. – Вот, например, Лия: она носит исключительно зелёное. Говорит, это её цвет удачи. А ещё у неё странная привычка – напевать себе под нос, когда думает. Представляешь?

Я молчала. Диалога она явно не требовала. Клара была из тех людей, которые заполняют любую тишину просто потому, что не умеют иначе.

– А ты слышала про Сару? – продолжила она, заговорщически понизив голос, хотя в салоне были только мы. – Она уверяет, что знает тайны королевской семьи! Представь, даже пыталась подружиться с одним из придворных, чтобы что-нибудь выведать, – её глаза вспыхнули азартом. – Не знаю, правда это или нет, но звучит интригующе, согласишься?

Соглашаться я не собиралась. Просто смотрела на неё, позволяя её голосу стать фоном – шумом, который не требует моего участия.

– А ещё ходят слухи, что у Мии есть тайный план, – Клара хихикнула. – Она собирается покорить принца через желудок! Придумала какое-то особенное блюдо, якобы с секретным ингредиентом. Лично я бы не рискнула, – фыркнула она. – Но кто я такая, чтобы судить?

Каждое её слово было наполнено искренним азартом. В этом потоке сплетен и слухов не чувствовалось злорадства – лишь простое, почти детское желание делиться, быть услышанной, быть частью происходящего. Клара напоминала ве-

сѣлый, шумный ураган: яркий, хаотичный и совершенно не способный остановиться.

Вряд ли между нами завяжется настоящая дружба. Но как источник информации она могла оказаться просто бесценной.

Наконец-то мы подъехали к огромным кованым воротам, за которыми располагалась королевская резиденция. Я прильнула к окну, затаив дыхание, и с восторгом наблюдала за открывшимся передо мной великолепным пейзажем. Даже Клара, обычно полная слов, замерла в восхищении, словно потеряв дар речи перед этой неопикуемой красотой.

Дворец величественно возвышался среди зелени, являя собой образец архитектурного великолепия и утонченного изящества. Его фасад был украшен тонкой резьбой, сверкающими золотыми элементами и роскошными колоннами, устремленными к небу. Высокие окна, обрамленные бархатными драпировками, отражали солнечный свет, создавая ощущение нереальности, почти сказочности.

Сады дворца были настоящей одой природе. Ухоженные газоны сменялись цветущими клумбами, где яркие краски переплетались в живой калейдоскоп. Аллеи, обрамленные высокими деревьями, вели к изящным беседкам, в которых наверняка можно было укрыться от зноя и посторонних взглядов. Фонтаны с кристально чистой водой мягко журчали, дополняя атмосферу покоя и гармонии.

Автомобиль остановился у величественного крыльца, расположенного чуть в стороне от парадного входа. У дверей нас уже ждали две элегантные женщины и дворецкий в строгом фраке.

Клара, словно ребёнок, не сумевший сдержать восторг, первой выскочила из машины, едва шофёр распахнул дверцу. Она радостно подпрыгивала на месте, глаза её сияли, и, не дожидаясь меня, она тут же подбежала к пухленькой женщине, которая встретила её тёплой улыбкой и сразу же вовлекла в оживлённую беседу.

Мне же досталась высокая, статная дама с такой безупречной осанкой, что казалось, будто она проглотила целый кол. Когда я вышла из машины, её челюсть едва не отпала от удивления. Она уставилась на моё платье с выражением ужаса и ледяного неодобрения, словно перед ней предстала катастрофа в бархатном исполнении. Всё её существо протестовало против моего внешнего вида. В её взгляде смешались осуждение, недоумение и капля жалости – но не ко мне, а, похоже, к дворцу, которому выпало несчастье принять такое недоразумение.

Оправившись от шока, она собрала себя в стальной узел и, глядя мне прямо в глаза, произнесла с холодной отточенностью:

– Меня зовут Мадлен. Я буду вашим куратором на время отбора, который, как я понимаю, для вас не затянется надолго.

Её взгляд вновь скользнул по моему платью, как лезвие – по коже. Всё её выражение будто говорило: «Как вы вообще сюда попали?»

– Ваше имя? – коротко спросила она, и в голосе прозвучала нота откровенного раздражения.

Я с трудом сдержала желание огрызнуться и, собрав остатки самообладания, ответила:

– Ави Бьёркен.

– Прекрасно, – сухо кивнула она. – Надеюсь, вы понимаете, куда попали. Здесь ценят не только внешние данные, которые вы... излишне демонстрируете, но и умение соответствовать. А с этим, боюсь, у вас проблемы.

Я кивнула, скрывая вспышку ярости. Мои пальцы невольно сжались в кулак, но я заставила себя дышать ровно. Мадлен заметила это – уголки её губ дрогнули, но тут же исчезли в той самой тонкой, недовольной линии.

– Следуйте за мной. У нас много дел, а времени, как всегда, катастрофически мало, – бросила она через плечо и направилась к входу.

Я пошла следом, пытаясь не плестись, но и не идти слишком бодро. Внутри дворца царила атмосфера безмолвного величия: высоченные потолки, сверкающие люстры, картины в золочёных рамах – всё здесь словно дышало историей и властью. И каждое полотно, казалось, оценивающе следит за мной, как и Мадлен, чьи каблуки отбивали по мрамору ритм моего нового заключения.

Пройдя множество парадных коридоров, залитыми светом и пролетов, Мадлен остановилась возле резной деревянной двери. Теперь уже у меня чуть не отпала челюсть от увиденной внутри обстановки.

Комната была просто великолепна: стены были обиты мягким бархатом нежного персикового цвета, а потолок украшали изысканные лепные украшения, словно сошедшие с картин великих мастеров. В центре стояла огромная кровать с балдахином, обрамлённая кружевами и золотыми нитями, а рядом – изящный туалетный столик с зеркалом, отражающим свет, который струился из больших окон, выходящих на ухоженный сад.

На полу лежал мягкий ковер, который, казалось, поглощал звук шагов, создавая атмосферу уединения и покоя. Я подошла к окну и взглянула на сад: цветы всех оттенков радуги распускались на солнце, а в воздухе витал сладковатый аромат. Это место было похоже на сказку, и я не могла поверить, что буду жить здесь какое-то время.

– Здесь вы будете жить и готовиться к отбору. Через два дня состоится ваша первая встреча с Его Высочеством, – произнесла Мадлен, вырывая меня из мыслей. Голос её звучал так, будто она озвучивала расписание уборки, а не встречу с будущим монархом. – У вас есть всё необходимое. Однако не забывайте, что оценивать будут не только внешний вид. Важно, как вы себя подаёте.

Она смирила меня придиричивым взглядом, словно я была пятном на идеально отполированной поверхности.

– Не представляю, сколько усилий потребуется, чтобы превратить вашу вульгарную экстравагантность в подобие благородства. За все годы моей службы во дворце, я не встречала ничего подобного...

Секунду я просто молчала, слегка ошеломлённая её прямой. Это даже не было прикрытым упрёком – это было полноценное оскорбление, обёрнутое в ледяную вежли-

вость. Мадлен, очевидно, была довольна моей реакцией и, отступив на шаг, продолжила с тем же пренебрежением:

– Надеюсь, вас как следует осмотрели в лазарете? – бросила она, словно боялась заразиться при ближайшем контакте.

– О, разумеется, – ответила я, изобразив серьёзное выражение лица. – Хотя... у меня такое странное ощущение в голове. Как будто что-то ползает. Может, вошки? Доктор, что меня осматривал, выглядел так, будто его зрение покинуло его много лет назад.

Я сказала это с такой искренней озабоченностью, что не смогла сдержать короткий смешок.

Мадлен побледнела и резко отпрыгнула, словно я призналась в чуме.

– Я... я попрошу доктора осмотреть вас ещё раз, – пробормотала она, в её голосе прозвучала почти паника, и тут же поспешно скрылась, будто я могла заразить её на расстоянии.

Я лишь ухмыльнулась, глядя ей вслед. Ну что ж, первый раунд за мной. Не на ту нарвалась, госпожа Мадлен.

Надеюсь, сегодня она больше не появится со своей кислой физиономией – мне нужно было время, чтобы привести мысли в порядок.

Я должна была каким-то образом доказать принцу, что достойна находиться здесь – среди людей, казавшихся бесконечно далёкими от моего мира. Глубоко вдохнула, стараясь унять бешено колотящееся сердце, и начала продумывать, как проведу следующие два дня. Время шло, и я знала: каждая минута теперь на вес золота.

Глава 5

Эти два дня перед официальной встречей с принцем истощили меня до предела, и я уже заочно испытывала к нему неприязнь. Вместо того чтобы позволить мне как следует отдохнуть, все вокруг без конца нарушали моё личное пространство – словно я жила не в роскошных покоях, а в шумном проходном дворе.

Меня непрерывно опекали: помогали одеваться и причёсываться, норовили ворваться в ванную с предложениями помощи и даже не позволяли самостоятельно забраться в постель, будто я была не в состоянии позаботиться о себе. За меня решали, что я надену, какая причёска мне идёт, как следует себя вести, что можно говорить, а что категорически нельзя, где разрешено гулять и какие части дворца строго запрещены для посещения. И это далеко не весь список ерунды, которую мой разум упорно отказывался воспринимать.

В итоге моё пребывание во дворце превратилось в настоящее испытание на прочность. В довершение ко всему у каждой двери участниц выставили королевских стражей, которые неустанно «охраняли» нас и днём, и ночью. Казалось, что мы находимся не в замке, а под неусыпным контролем, словно в тюремной крепости, где каждое наше движение находилось под пристальным наблюдением.

Что же касается моей кураторши Мадлен, то я окончательно убедилась: она меня просто бесит. Она всё-таки прислала ко мне врача – и лишь после этого соизволила появиться сама, чтобы сделать мою жизнь окончательно невыносимой. Мадлен не оставляла меня ни на минуту, постоянно упрекая в том, что я всё делаю не так. По её мнению, моей походке не хватало грации, я неправильно сидела, неровно держала спину, неаккуратно ела, совершенно не знала дворцового этикета, моя речь была слишком простой, взгляд – недостаточно робким, а характер – чрезмерно импульсивным. И это ещё не полный перечень моих «недостатков» по её версии. В какой-то момент я всерьёз начала сомневаться, что вообще с этой планеты.

Самым, пожалуй, мучительным моментом оказался приём пищи. Всех участниц обязали каждый раз спускаться в большой обеденный зал, где за овальным столом, застланным роскошной скатертью, проходила наша трапеза. Нам подавали изысканные блюда – от нежнейших филе до замысловатых десертов, похожих на произведения искусства. От та-

кого изобилия глаза буквально разбегались, а половину названий я не знала, будто случайно оказалась в гастрономическом раю.

Весь ужас таких застолий состоял в том, что я действительно не была знакома с правилами столового этикета, которые нависали надо мной, как огромная тень. Сначала мне было ужасно неловко от того, что я не знала, какой прибор из десяти изысканных предметов мне стоит выбрать для конкретного блюда. Зачем вообще выкладывать их все на стол? Хватило бы и одной вилки или ложки. Можно было с голоду помереть, пока вспомнишь, что там проквакала эта Мадлен про правильный выбор столового прибора – её звук, в моей голове, напоминал мне о строгих правилах, которые, казалось, были мне совершенно чужды.

Но в какой-то момент, наплевав на все эти глупые условности, я решила: будь что будет. Я ела так, как сама того хотела – без стеснения, наслаждаясь каждым кусочком, и пусть все вокруг захлебнется своим негодованием. В тот миг я вдруг почувствовала свободу, словно сбросила с себя невидимые оковы, годами не позволявшие радоваться простым вещам. Вряд ли мне ещё хоть раз в жизни выпадет шанс насытиться такими изысканными кулинарными шедеврами, так что не вижу ни малейшего смысла церемониться.

Естественно, мой самовольный жест не оказался незаме-

ченным, особенно остро я ощущала надменные взгляды со стороны девушек, державшихся особняком от остальных. Их было около дюжины, и все они являлись из титулованных семей, приближенных к королевской знати. Они смотрели на всех с высоты своего привилегированного положения, и представляли из себя образец элегантности и утонченности, их наряды были безупречны, а манеры – отточены до совершенства. Они чувствовали себя как рыбы в воде, так как уже родились в атмосфере роскоши, окружённые шелками и хрусталём.

Что не скажешь про остальных, кому пришлось подстраиваться под местные устои, словно диким цветам в теплице, которым не хватает солнечного света.

Многие из девушек сплотились в маленькие группы, словно лучшие подружки, подбадривающие друг друга, которые упражнялись в лживой лести. Они постоянно ходили вместе, обмениваясь шёпотом тайными фразами и хихикая, как будто каждая их улыбка хранила в себе сокровенную информацию, доступную лишь им. В то время как я предпочитала оставаться в стороне, словно тень, и чувствовала себя наблюдателем за театром абсурда, где все происходящее казалось одновременно смешным и нелепым.

Я была далека от этих искусственных улыбок и лукавых

взглядов, для меня всегда было важно сохранить свою внутреннюю целостность и независимость от чужого мнения.

Среди девушек были и адекватные личности, которые, вели себя сдержанно и не стремились привлекать к себе лишнее внимание. Например, Нора де Лаваль была столь скромна, но при этом обладала утонченными качествами, присущими настоящей леди. Ее голос звучал мягко и дружелюбно, в нем не было ни капли высокомерия.

От всезнающей Клары я узнала, что Нора является дочкой какого-то барона, но, несмотря на свое благородное происхождение, она никогда не смотрела ни на кого свысока. С ней было легко общаться, и она умела находить общий язык с каждым, словно искусный дипломат, способный разрядить напряжение в любой ситуации.

Что не скажешь про Эмму Фишер-Ланжевен, она была полной противоположностью Норы. С самого момента своего появления во дворце, когда она прибыла на день позже остальных в своем собственном экипаже, Эмма сразу же привлекла к себе внимание. Её покои находились на другом этаже, где ей прислуживала целая свита слуг, словно она была королевой, спустившейся с небес. Не успела она появиться, как вокруг неё мгновенно образовалась группа девиц, боготворящих её, словно она была воплощением идеала, и чуть

ли не поклонялись каждому ее шагу.

Её взгляд всегда был полон презрения, как будто она смотрела на мир свысока, оценивая каждого, кто осмеливался пересечь её путь. Всё её слова звучали как приказ, а не как просьба, и в этом тоне чувствовалась уверенность, как-будто она привыкла, что все пляшут под её дудку. Эмма уже чувствовала себя победительницей королевского отбора, словно все остальные для неё были лишь мимолётными препятствиями на пути к её триумфу.

Она была безусловно красивой, но эта красота имела стервозный оттенок, как яркий цветок, скрывающий шипы. Её ухоженные светлые волосы, словно золотые нити, падали на плечи, а наряды подчеркивали её безупречные формы, но за этой внешней оболочкой скрывалась холодная душа, не знающая сострадания. Эмма умела манипулировать окружающими, заставляя их чувствовать себя неуверенно. Наблюдая за ней, я понимала, что в этом мире, полном интриг и высокомерия, Эмма была не просто участницей, а настоящей королевой, правящей своим маленьким королевством, где все должны были подстраиваться под её правила. В её присутствии даже самые смелые теряли уверенность.

Когда настал день икс, весь замок словно сошел с ума от волнения и предвкушения. С самого утра коридоры запол-

нились суетливыми шагами прислуги, парикмахеров и портных, каждый из которых был выделен для своей участницы. Атмосфера ожидания витала в воздухе, словно невидимая нить, связывающая нас всех в единое целое, готовое к волшебному моменту.

Во время завтрака я заметила, как большинство девушек нервно перебирали еду на тарелках, почти не притрагиваясь к ней. Каждая из нас была погружена в свои мысли, в собственные переживания и мечты. Я чувствовала, как волнение нарастает с каждой минутой. Мы все знали, что сегодня – это не просто день, а момент, который может изменить чью-то жизнь.

После завтрака Мадлен ворвалась в покои, словно фурия и сразу же начала раздавать указания шедшим за ней людям. Мое тело натёрли мочалкой так, что я думала, они сотрут с меня кожу, затем обмазали всевозможными маслами, усадили у зеркала и колдовали надо мной несколько часов. В это время Мадлен осаждала мой мозг потоком информации. Единственное, полезное для себя, что я смогла выцепить, это то, что после сегодняшней встречи с принцем замок покинут как минимум пять участниц отбора – тех, кто не заинтересуют его.

От этой мысли у меня испортилось настроение. Мне ни-

как нельзя сегодня покидать замок, на кону жизнь моего брата, а я до сих пор не придумала, чем могу заинтересовать принца. Волнение и страх охватили меня. После всех манипуляций с моей головой, в комнату внесли парадное платье, сшитое по моим меркам. Оно было нежно-голубого цвета, пышное, длинной до пола, с небольшими рукавчиками буф и неглубоким вырезом. Хотя я и не любительница наряжаться, мне оно очень понравилось. Но ровно до того момента, пока на моей талии не стянули корсет.

Я впервые в жизни встречаюсь с этим предметом гардероба, ранее мне никогда не доводилось его примерять, и слава богу. Всё мое тело сжалось так, что я чувствовала, как хрустят мои ребра. Поверх корсета на меня надели то самое платье и тоже принялись его зашнуровывать. Когда все было готово, я подошла к зеркалу, и мне безумно понравилось то, что я там увидела.

В отражении предстал образ, который будто сошел с картин: нежно-голубое платье струилось, как водопад, подчеркивая каждый изгиб моей фигуры, а мягкий свет от окон играл на ткани, придавая ей волшебный блеск. Мягкие рукавчики буф добавляли романтики, а вырез нежно открывал ключицу, делая образ одновременно скромным и притягательным. Я почувствовала, как уверенность начинает пробуждаться внутри меня, затмевая страхи и волнения. В этот

миг осознала, что, возможно, не все еще потеряно, и у меня есть шанс завоевать внимание Его Высочества.

Отказавшись от обеда, я попросила дать мне время побыть наедине, чтобы немного отдохнуть перед мероприятием, до которого оставалось ещё несколько часов.

Оказавшись наконец одна, я с облегчением выдохнула, словно сбросила с плеч тяжёлый груз. Внутри меня бушевали эмоции, и я понимала, что ещё чуть-чуть – и моя нервная система не выдержит этого напряжения. Мне была необходима передышка. Открыв дверь на балкон, шагнула в объятия свежего воздуха, который наполнил мои лёгкие, словно освежающий дождь после зноя.

С высоты балкона мне открылся великолепный вид на Королевский нижний сад, утопающий в зелени и цветах. Он манил меня, словно волшебный оазис, в который так и хотелось сбежать от всей этой суеты. Но участницам было строго запрещено спускаться туда – причины этого оставались загадкой. Возможно, это было сделано в целях безопасности, а может, это просто ещё один бессмысленный пункт в длинном списке запретов, которые нас сковывали. В груди вспыхнула злость на тех, кто придумал эти правила.

Не раздумывая, я окинула взглядом пространство вокруг.

Никому не станет хуже, если я немного прогуляюсь и приведу мысли в порядок. Через дверь идти было бессмысленно – меня бы не выпустили даже за порог замка. Значит, оставался другой путь.

Балкон.

Я подошла к перилам, густо оплетённым зелёными лианами, и осторожно посмотрела вниз. Расстояние до земли оказалось не таким уж пугающим – вполне преодолимым. Почти идеальные условия для побега.

Перекинув ногу через перила и ухватившись за крепкие ветви дерева, я начала спускаться. Пышное платье затрудняло движение, но, несмотря на это, я успешно ступила на землю. В душе заиграла радость, и я улыбнулась сама себе, ощущая, как свобода наполняет меня, словно солнечные лучи, пробивающиеся сквозь облака.

Незаметно пробравшись через тенистую аллею, стремительно направилась к каменной ограде, отделяющей нижний сад от верхнего. Пройдя немного вдоль её холодных стен, я заметила небольшое разрушение, словно тайный проход в другой мир. Сунув ногу в образовавшийся проем, я ухватилась за край ограды и подтянулась. Полагая, что с противоположной стороны расстояние до земли не больше, чем здесь, перекинула своё тело через ограду. В тот же миг меня подхватило и закружило, как осенний лист, сквозь колючие

кусты.

Зажмурившись и сжавшись, я готовилась к худшему, но резкий толчок, словно невидимая рука, стянул меня в сильных тисках, выбив из груди остатки воздуха. Крупная ветка одного из кустов, как верный спасатель, затормозила моё падение, зацепившись за корсет. Выбравшись на ровную поверхность, я почувствовала, как голова закружилась, а в глазах потемнело. "Молодец, Ави! Славно прогулялась. Не только проветрилась, но и чуть ли не растеряла остатки разума", – с иронией подумала я.

Волнение нарастало, дыхание становилось всё более затруднённым. Я попыталась самостоятельно ослабить верёвки платья, но каждая попытка лишь добавляла дискомфорта. Едва доковыляв до беседки, стоявшей неподалёку, вбежала внутрь в надежде на помощь. Но там было пусто. Я уже начала дышать через раз, хватая воздух ртом, словно рыба на суше, когда, выбежав из беседки, налетела на парня. Он стоял у кустов и что-то сосредоточенно искал, явно не ожидая столкновения.

Не раздумывая, я вцепилась в его грудки.

– Мне нужно, чтобы ты развязал шнурки на моём платье!
– выдавила, задыхаясь.

Он замер. В его глазах промелькнуло чистое, неподдельное недоумение.

– Простите... это вы сейчас со мной разговариваете? – переспросил он, словно надеясь, что ослышался.

– Нет, – процедила я сквозь зубы, – Это я веду светскую беседу с ближайшим деревом. Ну же, соображай быстрее, я сейчас задохнусь, пока ты думаешь!

Он и правда оказался тугодумом, продолжая пялиться на меня, как на сумасшедшую. Пришлось взять ситуацию в свои руки и помочь ему с мыслительным процессом.

– Чего не понятного? – выпалила я, стараясь не терять самообладание. – Я решила прогуляться, перебралась через чёртову ограду и кубарем свалилась, зацепившись за куст, который меня едва не задушил! – с трудом повернувшись, показала ему туго стянутые шнурки платья. – Помоги мне их ослабить.

– Мне это что, сделать прямо здесь? – не понимая, уточнил он, словно я предложила ему танцевать на столе.

Вот же олень тупоголовый!

– Нет, – язвительно бросила я, – давай дождёмся, когда я окончательно потеряю сознание. Это будет куда романтичнее.

Схватив его за локоть, я практически затащила незнакомца в беседку. Полумрак, тени листвы, запах свежескошенной травы – всё это казалось нереальным на фоне бешено колотящегося сердца. Адреналин бурлил в венах, а тишина вокруг лишь усиливала ощущение надвигающейся катастрофы.

Пыхтя от негодования, я развернулась к нему спиной и приказала действовать. В следующий момент почувствовала лёгкое прикосновение. Он всё делал не спеша, словно боялся лишний раз меня коснуться, как будто я могла рассыпаться, стоило ему лишь слегка надавить или возможно притрагиваться ко мне ему было неприятно.

– Я не хрустальная, – нервно выдохнула я. – И не кусаюсь, если что. Можно быстрее? Мне правда нечем дышать.

Сзади послышался смешок. Ну конечно, это же не он теряет последние крохи драгоценного воздуха.

– Интересный у вас способ времяпровождения. И часто вы так прогуливаетесь? Я, кстати, вас здесь раньше не видел. Давно вы во дворце? – дёргая верёвки корсета, поинтересо-

вался парень.

– Привезли два дня назад. Я не планировала устраивать себе приключения в кустах, всё вышло случайно. Если бы нас не держали здесь, словно пленниц, и хоть изредка позволили выходить на свежий воздух, мне бы не пришлось искать обходные пути, – ответила, стараясь не выдать своего раздражения.

– Так вы одна из счастливиц королевского отбора? – его голос звучал с лёгкой иронией.

– Да уж, вот прям задыхаюсь от счастья, что по мне не заметно? – бросила я, чувствуя, как корсет сдавливает меня ещё сильнее.

– Видимо, вас не очень-то радует ваше нынешнее положение. Что, принц не по нраву? – продолжал он, не отступая.

– Мне в принципе не нравится та ситуация, в которой я оказалась не по своей воле. А что касается принца, то я его даже в глаза не видела, да и вряд ли это хоть что-то изменило бы. Не понимаю, зачем вообще устраивать весь этот фарс, – продолжила я. – Неужели принц настолько глуп, что не в состоянии самостоятельно выбрать себе невесту? Как тогда можно доверить такому человеку правление королевством,

если он даже не в силах справиться с такой простой задачей?

Я вскрикнула, так как в следующий момент корсет сжался ещё сильнее, как будто сам по себе решил напомнить мне о своей власти.

– Осторожней! Долго там ещё? – спросила, пытаюсь не выдать своего раздражения.

– Почти закончил, – холодно ответил он, не отрываясь от своего занятия. – Зачем тогда принимаете участие, если вас это так коробит? Не лучше ли было отказаться?

– Как будто мне кто-то давал право выбора! – пробубнила себе под нос. – Отказаться у меня уже не получится. От того, как долго я здесь продержусь, зависит жизнь очень дорогого мне человека.

– Как интересно, – с усмешкой произнес он, и в его голосе послышалась нотка любопытства.

Наконец-то я почувствовала долгожданную свободу, сделала глубокий вдох, и в этот момент мне показалось, что мир вокруг стал ярче. Как все-таки мало нужно человеку для счастья!

– Спасибо, что не дал мне задохнуться в одиночестве. Нелепее смерти не придумаешь, – попыталась отшутиться я. – А теперь отвернись, мне нужно привести себя в порядок.

Парень посмотрел на меня с выражением немого вопроса. «Я только что тебя раздел, к чему теперь все эти стеснения?»

Дождавшись, пока он отвернется, я молниеносно стянула с себя этот ужасный корсет, который сковывал движения. Натянув обратно рукава платья из плотного материала, я почувствовала, как дурацкие правила хорошего тона теряют свою силу.

И уже во второй раз мне пришлось забыть о приличиях и попросить своего спасителя зашнуровать платье обратно.

Его дыхание коснулось моей кожи, тёплое и неровное, и от этого по телу пробежала дрожь, сладкая и предательская. Казалось, он даже не прикасался – а я уже чувствовала его. Мурашки скользили по спине, словно его пальцы, будто он рисовал на мне невидимые узоры, зная, где я вздрагиваю сильнее.

– Ещё никогда в жизни мне не приходилось одевать и раздевать девушку, при этом ничего не получив взамен, — усмехнулся он, понижая голос почти до шёпота.

Его слова вибрировали в воздухе, а лицо оказалось слишком близко. Между нами словно вспыхнуло густое напряжение.

Я резко развернулась, словно пытаюсь спастись, и отступила на шаг, возводя между нами невидимую преграду.

– Можешь оставить себе это, как напоминание о своем благородстве, – парировала я, с легким вызовом, ткнув ему в руки этот пикантный предмет гардероба.

Мой взгляд задержался на нём дольше, чем позволяли правила и здравый смысл. Он притягивал внимание, как магнит. Не просто симпатичный – поразительно красивый, особенно для садовника... или кем он здесь работает.

Тёмные, чуть волнистые волосы небрежно спадали ему на лоб, создавая обманчивое ощущение расслабленности и свободы – той самой, что бывает лишь у людей, привыкших держать ситуацию под контролем. Его глаза, глубокого, густого лесного оттенка, смотрели пронизывающе.

Он был высок, держался уверенно, будто каждое движение имело смысл и не допускало случайности. Широкие, рельефные плечи, прямой силуэт, внутренняя подвижность, скрытая под внешним покоем – в нём ощущалась сила, не

нуждающаяся в демонстрации. Даже в простом одеянии он выглядел так, словно оказался здесь по недоразумению.

В его присутствии я внезапно почувствовала, как привычная уверенность ускользает, словно почва под ногами становится зыбкой. Он не делал ничего особенного. И всё же каждое его молчание, каждый взгляд ясно намекали: с ним нельзя терять бдительность.

С ним нужно быть осторожной.

Очень осторожной.

– Меня, кстати, Ави зовут, – сказала я и первой протянула руку. Ладонь предательски дрогнула, но голос остался ровным. В воздухе повисло тонкое, почти осязаемое напряжение.

– Стен, – ответил он после короткой паузы, внимательно всматриваясь в меня. Его голос звучал сдержанно. Руку он мне так и не протянул.

Машинально поправила платье: лёгкая ткань мягко переливалась на солнце, отбрасывая пастельные отблески. И вдруг меня резко осенило – пора возвращаться. В воображении вспыхнул образ Мадлен: разъярённой, как фурия, поднимающей на уши весь дворец в поисках меня.

– Ты не знаешь, есть ли здесь какой-нибудь проход между садами? – спросила я, стараясь скрыть подступающую панику. – Думаю, второго раунда с кустами я точно не переживу.

Он жестом велел мне следовать за ним. Я приподняла подол платья, чтобы снова не запутаться в ткани и не растянуться на дорожке.

– Ты давно работаешь во дворце? – бросила я, пытаюсь заполнить неловкую тишину и разрядить напряжение.

– Давно, – после затянувшейся паузы ответил он.

В его голосе прозвучала усталость – будто за этим коротким словом скрывалась целая гора невысказанных мыслей. Я уловила, что к разговору он явно не расположен, словно чем-то раздражён. Может, я действительно отвлекаю его от работы в саду своими бесконечными приключениями.

Проход оказался совсем недалеко от места моего триумфального падения. Если бы я прошла ещё пару метров левее, моего фиаско бы не случилось. В голове промелькнула мысль о том, как легко можно было избежать этой неловкой ситуации.

Ещё раз поблагодарив его за помощь, я направилась обратно в свои покои тем же способом, осознавая, что моя вылазка на какое-то время отвлекла меня от напряжения, царившего в стенах дворца. И, к собственному удивлению, теперь даже предстоящая встреча с принцем казалась не такой пугающей.

Глава 6

В бальном зале царила атмосфера волшебства и тревожного ожидания. Стоило мне переступить порог, как волнение накрыло с головой. Огромное пространство, залитое мягким светом сверкающих люстр, словно дышало историей и величием. Высокие потолки с изысканной лепниной создавали ощущение грации и роскоши, а нежно-зелёные стены, отражая свет, наполняли зал теплом и уютом, будто обнимая каждого, кто сюда входил.

Тихий шёпот гостей, приглушённый смех и обрывки разговоров сплетались в живую, пульсирующую мелодию праздника. В каждом углу красовались великолепные цветочные композиции, источавшие сладкий, чуть пряный аромат, который витал в воздухе, усиливая ощущение нереальности происходящего. Музыка незаметно проникала под кожу, заставляя сердце биться быстрее, будто подстраиваясь под ритм этого насыщенного вечера. Это было не просто событие – это была живая, дышащая часть жизни королевства, пропитанная торжеством и показной грацией.

Зал уже был полон. Среди гостей выделялись дамы в роскошных нарядах и статные мужчины во фраках – члены королевского совета и самые приближённые к королевской семье. Их разговоры, наполненные оживлёнными обсуждениями и натянутыми улыбками, создавали атмосферу скрытой

интриги. Когда мы вошли, на нас тут же устремились оценивающие взгляды – цепкие, холодные, будто мы были не людьми, а редкими экспонатами. Кто-то смотрел с любопытством, кто-то – с откровенным высокомерием, а некоторые даже не удостоили нас вниманием, слишком занятые собственными беседами.

В этот момент я ощутила, как волнение и неприязнь к этим людям, переполняют меня. Я знала, что этот вечер будет слишком выматывающим, поэтому заранее была готова.

Все девушки выглядели великолепно, каждая из них выделялась по-своему. У одной были потрясающие локоны, уложенные в сложную прическу, другая щеголяла шикарными украшениями, которые переливались на свету, словно звезды на ночном небе. Платья, в которых они были одеты, были настоящими произведениями искусства: изысканные ткани, утонченные детали, безупречные швы – все это создавало атмосферу настоящего праздника.

Одна из девушек стянула свою талию корсетом так, словно она у нее с мизинец. Не могу представить, что может заставить человека терпеть такие муки. В голове невольно всплывает образ Мадлен, которая застала меня в потрёпанном виде, когда до выхода в свет оставались считанные минуты. Она побелела, как мел, и, кажется, в тот момент отчаянно умоляла всех известных и неизвестных ей богов, чтобы меня сегодня же не было во дворце. Наблюдать за ее реакцией было истинным удовольствием – хоть что-то интересное

в этом скучном мире роскоши!

Все девушки разбрелись по залу, и их тут же окружили любопытные гости, не уставая донимать расспросами. Больше всего внимания, конечно же, досталось несравненной Эмме Фишер-Ланжевен. Было забавно наблюдать за её двуличием: среди участниц и прислуги она вела себя как настоящая стерва, в то время как в присутствии более высокопоставленных дам и господ превращалась в безвинного ангела с покорным характером. Я же решила укрыться от надоедливых взглядов и отошла к столу с закусками. Пропущенный обед напоминал о себе, и я почувствовала, как голод начинает поглощать стенки моего желудка. Взяв самое изысканное пирожное, погрузилась в мысли о предстоящей встрече с принцем, моля о том, чтобы у меня была возможность поговорить с ним наедине. Я не придумала ничего лучше, чем рассказать ему правду – не всю, конечно, но самую суть. Лебезить я не умела, а долго притворяться у меня всё равно не получилось бы.

Когда в бальном зале смолкла музыка, тишина опустилась, словно бархатный занавес. Присутствующие затаили дыхание в трепетном ожидании. В этот миг глашатай в роскошном одеянии выступил вперёд и звучным голосом провозгласил:

– Прошу приветствовать Их Величеств – короля Эдварда де Вальмонт и королеву Изабеллу де Вальмонт!

Будто по воле чар, все взгляды разом устремились к входу. Король Эдвард, высокий и статный, с тёмными волосами, тщательно зачёсанными назад, шагал с уверенной, величественной поступью. Его глаза цвета глубокого изумруда сверкали умом и непреклонной решимостью. Роскошная королевская мантия, расшитая золотом, ниспадала с плеч, подчёркивая его силу и властное достоинство.

Рядом с ним шла королева Изабелла – само воплощение изящества и благородства. Длинные волнистые волосы оттенка солнечного золота мягко струились по её плечам, а на губах играла едва заметная, чарующая улыбка. Она была облачена в великолепное платье из тончайшего шёлка цвета лунного сияния, украшенное изысканным кружевом и драгоценными камнями, которые мерцали при каждом её шаге, словно откликаясь на свет зала.

Эдвард и Изабелла медленно прошествовали к своим тронам, и каждый их шаг отзывался в зале, словно торжественная мелодия, от которой замирали сердца. В их движениях не было спешки – лишь уверенное величие, внушавшее благоговейное восхищение.

Когда король и королева наконец заняли свои места, зал

взорвался аплодисментами. В этот миг стало очевидно: вечер только начинался, и впереди нас ждали танцы, радость и череда мгновений, которым суждено было навсегда остаться в памяти.

Меня захлестнул вихрь чувств, и я с удивлением поймала себя на мысли, что Вивиан в чём-то всё-таки была права. Это и впрямь казалось чудом – находиться так близко к величественным фигурам короля и королевы, чьё присутствие наполняло душу восторгом, а каждый взгляд – трепетом.

Я ещё не успела оправиться от охватившего меня восхищения, когда тот же самый глашатай вновь выступил вперёд и громогласно провозгласил:

– Прошу всех поприветствовать принца Калистена де Вальмонта!

В тот миг, как его имя прозвучало в воздухе, все девушки, словно по волшебной команде, подобрались, нацепив на лица самые прелестные улыбки, которые только можно придумать. Их глаза сверкали, как звезды на ночном небе, и они старались протиснуться ближе к первому ряду, словно уверенные, что если первый взгляд принца упадет на них, то их шансы на победу в этом безумном соревновании за его внимание возрастут в разы.

Я же, стояла в самом конце зала и ждала, что вот-вот увижу главного героя этого глупого спектакля. Из-за спин остальных мне было плохо видно, и я лишь слышала, как вокруг раздавались вздохи восхищения, будто сам Купидон летал под потолком, стреляя направо и налево своими стрелами. Я хмыкнула про себя, надеясь, что эти глупые девичьи не попадают одна за другой в обморок от восторга. Ради приличия, чтобы не выглядеть слишком равнодушной, я решила вытянуться, слегка приподнявшись на носочках.

И в тот же миг застыла, словно пригвождённая к месту.

По залу, величественно и плавно, с кошачьей грацией, шёл мой утренний спаситель.

Я почувствовала, как по коже пробежал холодок, а сердце болезненно сжалось, будто на миг забыло, как биться.

Он выглядел иначе. Его королевский, безупречный наряд, сверкающий на свету, кричал о его высоком статусе. На его лице застыло выражение холодной отстранённости и высокомерия, он осматривал присутствующих с высоты своего положения, наслаждаясь тем, как все восхищались его величеством.

Когда его уверенный взгляд столкнулся с моим – испуганным, растерянным, отказывающимся верить увиденному, – меня охватило чувство, будто я загнана в угол, лишённая возможности бежать. Мир вокруг застыл, а воздух между на-

ми натянулся, словно тонкая струна, звенящая от скрытого напряжения.

В этот миг уголки его губ едва заметно дрогнули – он хмыкнул, удовлетворённый произведённым эффектом. В глубине его глаз вспыхнула искра холодного триумфа.

Мгновенно меня накрыло невыносимым ощущением, что мир вокруг будто обрушился. Уверена, этот момент навсегда врежется в память как самый сокрушительный провал в моей жизни. Он стал беспощадным доказательством того, насколько фатально я облажалась.

Я перестала замечать происходящее вокруг – мир рассыпался на бесчисленные осколки. В голове судорожно крутилась утренняя сцена в саду, и мои слова, сказанные Стену, вновь и вновь возвращались эхом, терзая меня. Как я могла быть такой слепой? Стен – ведь это уменьшительное от Калистена. Очевидная истина ударила с запоздалой жестокостью, и мне стало невыносимо стыдно. Боже, я говорила с ним, глядя прямо в лицо, не подозревая, кто он, и безжалостно выплеснула на него свои болезненные мысли, в добавок обозвав его глупцом.

Мне конец. Как я могла так опростоволоситься? Вряд ли он забыл слова, брошенные мною в саду. Это был полный провал. Я чувствовала, как хрупкое спокойствие стремительно тает, уступая место панике и липкому страху. Ноги подкосились, и я едва держалась, рискуя в любой момент

рухнуть в обморок. Нора, стоящая рядом, вероятно, решила, что я просто впечатлилась происходящим, но на самом деле я была готова на всё, лишь бы исчезнуть — сбежать отсюда, подальше от этого кошмара.

Мне нужно было срочно найти выход, хоть какой-нибудь. Может, он не злопамятен и поймёт, что мои слова сорвались не со зла? Мы могли бы посмеяться над этой нелепой ошибкой... если бы я только знала как. Мысли сбивались в хаотичный поток, сердце гулко билось в груди, словно рвалось наружу. Я обязана была что-то предпринять, но внутри царил лишь шторм, и страх всё сильнее сдавливал горло, лишая воздуха.

Всех участниц по очереди торжественно представляли королевской семье, объявляя их имена, и они величественно шествовали через весь зал. Я стояла, словно в тисках собственного волнения, погружённая в мрачные мысли о том, как всё может обернуться катастрофой. Что делать, если меня выставят из замка прямо сегодня? Я так и не смогла найти способа связаться с Ви, и меня не отпускала навязчивая тревога: смогла ли она узнать, где Филет держит Ника? Сердце сжималось при одной этой мысли.

Я пыталась сосредоточиться на происходящем вокруг — на блеске золотых убранств, на строгих взглядах придворных, на каждом движении гостей, — но мысли снова ускользали к брату. Надеюсь, слухи о моём фиаско не разнесутся слишком быстро. Пусть у меня ещё останется хоть немного времени,

чтобы его найти.

Как всё сложится дальше – подумаю позже. Сейчас же мне нужно выдержать этот экзамен, встретившись лицом к лицу с принцем.

Сквозь гул в ушах, словно в тумане, до меня донёсся голос, торжественно провозглашающий моё имя:

– Мисс Ави Бьёркен.

Словно в замедленной съёмке, я почувствовала, как ватные ноги подгибаются, а дрожь волной прокатывается по телу. С трудом приподняв подол платья, я сделала неуверенный шаг к помосту, где восседали Король, Королева и тот, на кого мне было страшно даже смотреть.

«Ну же, Ави, возьми себя в руки», – мысленно одёрнула я себя, будто это могло хоть чем-то помочь. Шаг. Глубокий вдох, который так и не наполнил грудь. Ещё шаг. Улыбаться, как все девушки до меня, не стала, – в этот момент улыбка была бы такой неестественной, что могла бы распугать весь зал.

Ещё один неуверенный шаг – и я подняла взгляд, стараясь придать ему уверенность. Но внутри бушевал ураган. Я чувствовала себя полной дурой, куклой, выставленной напоказ, беспомощной под десятками чужих взглядов.

Никогда прежде я не оказывалась в таком центре внима-

ния, и желание провалиться сквозь землю, исчезнуть в самой преисподней, становилось всё сильнее. Я сделала неуклюжий реверанс, который мне показала Мадлен, и в этот момент мне казалось, что весь мир замер, ожидая, как я справлюсь с этой неловкой ситуацией.

– Как вас встретили во дворце, мисс? И все ли вас устраивает? – раздался знакомый голос принца, словно холодный ветер, проникающий в самую душу, оббивая её ледяными пальцами. Его слова звучали с такой безразличной строгостью, что казалось, они способны разорвать тишину, как хрустальный сосуд, упавший на пол.

Я поднялась с реверанса и встретила его взгляд, пытаюсь разгадать, что скрывается за его ледяными глазами. В них плескалось невысказанное презрение, и я почувствовала, как внутри меня закипает волнение.

– Спасибо за гостеприимство. Лучшего я даже желать не могла, – произнесла, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Он лишь слегка приподнял бровь, и в этот момент я поняла, что стою перед ним, как вкопанная, не зная, что делать: остаться или уйти, ждать его разрешения или просто сбежать.

– Вы можете идти, – произнес он, и в его голосе звучала нотка высокомерия, словно он делал мне одолжение.

Дважды меня просить было не нужно. Я резко развернулась, готовая сбежать, когда вдруг услышала насмешливый голос Калистена.

– И на будущее, мисс, если вы собираетесь оказаться в высшем обществе или, тем более, в присутствии королевской семьи, не забудьте, что принято надевать корсет, чтобы избежать неловких ситуаций и не выглядеть нелепо. В противном случае, вы рискуете оказаться в центре внимания не за счет своей элегантности, а благодаря своей неосмотрительности. Думаю, вашему куратору следовало об этом позаботиться. Все-таки это не ваша вина, там, откуда вы родом, вряд ли знакомы с правилами хорошего тона, так что в вашем случае, на первый раз, это простительно, – выплюнул он, и его слова были как острые шипы, вонзающиеся в мою гордость.

Я застыла, не в силах произнести ни слова, с открытым ртом, словно меня поразила молния. Вот же говнюк. В этот момент я поняла, что мои утренние слова не просто заделали его, они протаранили его чувство собственного достоинства. Надежды на его снисходительность были тщетны. Теперь стало ясно, что сегодня меня уже не будет во дворце.

Бросив на него злой взгляд, я развернулась и удалилась, чувствуя на себе пристальные взгляды окружающих. Он не просто унизил меня перед всеми, он решил указать мне мое место, и это ощущение было невыносимо. Внутри меня разгоралось пламя злости.

После того как все девушки были представлены королевской семье, и официальная часть подошла к концу, зал наполнился волшебством и радостью. Музыка зазвучала гром-

че, и пространство вновь ожило в вихре танцев и смеха. Пары кружились в вальсе, словно цветные бабочки, а платья девушек шуршали, как шелковые облака, оставляя за собой шлейф из искрящихся эмоций. Разговоры завязывались, смех раздавался, как звонкие колокольчики.

Калистен, словно звезда этого бала, перемещался от одной девушки к другой, его шутки и комплименты разлетались по залу, как лепестки цветов на весеннем ветру. Он танцевал с каждой, даря им мгновения счастья, а я оставалась в стороне, наблюдая за этой феерией. Сочувствующие взгляды других участниц пронзали меня, как острые стрелы: все они понимали, что я одна из тех, кого после сегодняшнего вечера отсеют и отправят домой.

Внутри меня бушевали море чувств. Я с нетерпением ждала момента, когда этот роскошный кошмар наконец завершится. Зал, наполненный ослепительным блеском и радостью, казался мне удушающим. Я мечтала о том, как смогу покинуть это великолепие, где все вокруг светилось яркими огнями и смехом, и вернуться к своей обычной жизни, полной постоянных сложностей и забот.

Каждый миг здесь казался вечностью, и я чувствовала, как меня тянет обратно в реальность, где все было не просто, но хотя бы понятно. В этом мире, полном фальши и показного счастья, я задыхалась.

Наконец-то королевская семья вместе с членами совета удалилась, видимо, для обсуждения каких-то важных вопро-

сов, касающихся отбора. Спустя некоторое время нам разрешили покинуть бальный зал. Решение о том, чьи шансы сегодня не увенчались успехом, нам сообщат позже, но я не могла ждать. Метнулась в свою комнату, осознавая, что время не на моей стороне. Кто знает, как быстро местная газета с интригующими сводками разлетится по городу, и новости дойдут до Филета.

Я позвала свою служанку Мию, чтобы она помогла мне снять это несчастное платье. Быстро переодевшись в свой уютный свитер и удобную юбку, скрывающие мои ноги, я уже была готова покинуть дворец, как вдруг дверь в комнату распахнулась, и на пороге появилась Мадлен. Она посмотрела на меня с таким презрением, словно я была куском мусора.

– Что за лохмотья на тебе опять надеты? – недовольно протянула она.

– Вас это уже не касается! – резко ответила ей, стараясь сдерживать эмоции. – Я готова ехать домой, куда мне пройти? – нетерпеливо уточнила, осознавая, что каждая минута на счету.

– Ты остаёшься! – выпалила она.

– Не поняла, как остаюсь? – удивлённо переспросила я, не веря своим ушам.

– Сама задаюсь тем же вопросом! – её глаза сверкали, как острые грани стекла. – Чем ты ему так приглянулась, что он решил тебя оставить? Я бы после такой самовольной выходки и вовсе бросила тебя в темницу, чтобы ты своей пустой

головой лишний раз подумала, что не стоит нарушать устоявшиеся нормы поведения и правила приличия! – разъярённо продолжала она.

Я была так поражена этой новостью, что пропустила половину её гневной тирады мимо ушей. Мысли метались в голове. Что всё это может значить? Почему он оставил меня во дворце? Нужно успокоиться, но тревога сжимала сердце. Вряд ли это сулит мне что-то хорошее, подумала я, ощущая, как холодный пот стекает по спине.

Глава 7

Калистен

Стремительно покидаю зал совещаний. Сердце бьётся так, будто хочет вырваться наружу, выломать рёбра и сбегать прочь. Ворот фрака душит – не одежда, а ошейник. Сдёргиваю его с шеи и ощущаю, как дышать становится легче. Но легче не становится.

Внутри всё гремит. Не злость – это презрение. Я знал, что этот совет – фарс, но не думал, что будет так мерзко. Эти выжившие из ума старцы, прячущиеся за мантиями и регалиями, обсуждали мой брак, мою будущую жену... Словно это контракт. Сделка.

Эта старая традиция, которую мы обязаны были чтить, казалась мне полным бредом. Я не желал, чтобы моя жизнь определялась случайным выбором, как будто я был просто предметом, который можно взять или оставить.

Когда выбор был сделан, кто из девушек сегодня покинет дворец навсегда, я резко сорвался с места и хлопнул дверью так, что звук отразился от стен, как гром в ясный день. Этот день вымотал меня до предела, и я не понимал, как Джеймс вытерпел весь этот сумасшедший бред. Как же хорошо, что он старший сын, а не я, и всё это дерьмо с наследованием ляжет на его плечи.

Шёл по коридору, даже не стараясь сдерживать шаг. Звук моих сапог грохотал по паркету, как предупреждение, что от меня лучше держаться подальше. Гнев и отвращение стучали в висках, тяжело, зло. Всё внутри бурлило, как шторм, готовый снести всё к чертям.

Совет, эти седые кукловоды, действительно решили, что могут управлять мной? Что я – пешка на их доисторической доске, которую можно переставлять, подбирая мне "подходящую" девуцу? Чушь. Противно до тошноты. Пусть пока играют в свои дворцовые игры, думая, что контролируют ситуацию. Пусть верят, что я прогнусь. А потом пусть удивляются, когда эта шахматная доска загорится к чёрту.

Я буду играть по своим правилам. А если им это не нравится – значит, всё идёт как надо.

Пусть привыкают к мысли: я не их питомец, и что диктовать мне условия – занятие бесполезное.

Добравшись до покоев, я даже не притормозил. Ни сесть, ни одежду сбросить, ни выдохнуть – да к чёрту всё это. Встал у окна как вкопанный, впился взглядом в заходящее солнце.

А оно, сволочь, будто ухмыляется. Последние лучи – тонкие, острые, как крючья – цепляются за верхушки деревьев, будто пытаются время затормозить. Да только время не остановить. Оно, как я: прёт вперёд, ни на кого не оглядываясь.

Ветер в саду – дерзкий, наглый, будто насквозь видит моё состояние. В нём что-то... родное. Свободное. И тут накатило – воспоминание о той жизни. О настоящей. До всего этого дерьма.

Академия.

Там, за тысячи миль отсюда, не было этой лживости. Никаких титулов, никакого королевского цирка с лицемерием на каждом шагу. Да, все из знатных семей – но кому это было важно? Мы были равны. Молодые, дикие, оголтелые – рвали жизнь зубами. Алкоголь до утра, споры до хрипоты, бессонные ночи, девчонки с глазами, полыхающими как адское пламя – вот это был я. Настоящий. Без короны, без этих идиотских ожиданий. Живой, чёрт возьми!

А сейчас что? Хотят засунуть меня обратно в клетку, обвить шелками, навесить бирку: «жених для политического союза». Да пусть только попробуют. Посмотрим, кто кого.

В голове, чёрт возьми, опять эти слова – той ненормальной, которая налетела на меня, как ураган, с этой безумной просьбой раздеть её. Сначала подумал: очередная матушки-

на фрейлина, охотница за титулами. Решила, видно, пойти окольным путём – хитро, дёшево, но могло бы сработать... если бы я был последним идиотом.

Но когда выяснилось, что она – одна из участниц, я на секунду даже опешил. Решил, что, может, у неё особая тактика: привлечь внимание, взорвать шаблоны, так сказать. Только вот дальше она выдала свои умозаключения по поводу происходящего. И, возможно, я даже с ней полностью согласился, если бы не её дерзкие обвинения в мой адрес, в которых она посчитала меня тупоголовым, не имеющим своего мнения, отпрыском. В тот миг я еле сдержался, чтобы не задушить эту идиотку прямо на месте, но вовремя опомнившись, решил, что так просто ей это с рук не сойдёт. Она ещё узнает, каково это – открывать свой рот в мою сторону.

Одно только выражение её лица на приеме, когда она поняла, как оплошались, стоило моего терпения. Когда на совете решалось, кто из девушек сегодня покинет дворец, её имя почти возглавляло этот список. Я с удовольствием опроверг такое решение, что, конечно же, пришлось не по нраву совету, но это только доставило мне огромное наслаждение. Так просто она не отделается. Я намерен показать этой выскочке её место.

Сразу после нашей утренней встречи навёл справки о том, кто она такая. Не удивился, узнав, что она из самого неблагополучного района столицы. Её манеры и поведение выдавали её статус с головой. Как вообще можно было додумать-

ся перелезть через ограду? У неё что, с головой проблемы? Я уже даже молчу о том, что она позволила незнакомцу себя раздеть. С её слов было понятно, что здесь она только ради выгоды, скорее всего, позарилась на вознаграждение. Готовься, ты отработаешь его сполна!

Вызываю к себе камердинера, чтобы он привёл ко мне эту ненормальную. Пора познакомиться с ней как следует, и я собираюсь сделать это так, чтобы она запомнила свое пребывание здесь на всю жизнь. Время показать ей, что в этом дворце не место для легкомысленных девчонок, которые думают, что могут играть с огнём и не обжечься.

Ави

Я уже готовилась ко сну, когда в комнату влетела запыхавшаяся Мия – точно порыв ветра, ворвавшийся в тишину ночи.

– Принц Калистен желает вас видеть, мисс! – выпалила она с таким волнением, словно сообщала не новость, а судьбоносный приговор.

– Что, прямо сейчас? – недоумённо переспросила я, тщетно пытаюсь понять, какого чёрта ему понадобилось от меня в столь поздний час. Мысли закружились в голове беспорядочным вихрем, не оставляя ни одной внятной догадки.

– Да. Немедленно, – ответила Мия.

Я окинула себя быстрым взглядом: шёлковая кружевная сорочка. Превосходно. Самое подходящее одеяние для ночных визитов к принцам. И что прикажете делать? Пока я буду возиться с платьем, пройдёт целая вечность.

Решив не тратить время, выбрала практичность и поспешно натянула свои вещи, даже не заботясь о том, как это выглядит. Пусть обломится. Я не собираюсь при каждой встрече с его королевским высочеством затягиваться в корсет.

С тихим ворчанием последовала за камердинером, перебирая в уме все возможные причины его внезапного желания меня видеть. И, что куда важнее, размышляя о том, во что мне это выльется.

Меня привели в просторную гостиную, утопающую в мягком, приглушённом свете. Уют здесь был почти нарочитым: изысканная мебель, обитая бархатом, изразцовый камин, тихо потрескивающий и разливающий по комнате тёплое дыхание огня.

Мой взгляд скользнул по обстановке и почти сразу нашёл того, кто нарушил мой вечерний покой.

Калистен сидел за массивным дубовым столом, погружённый в чтение. Он выглядел сосредоточенным, отрешённым от всего мира. Его черты лица застыли в холодной собран-

ности, а глаза внимательно скользил по строчкам.

Как только дверь за мной захлопнулась, его взгляд полоснул меня, как удар хлыста. Холодный, пустой – взгляд человека, для которого чужая жизнь не стоит и дыхания. Воздух в комнате сгустился до удушья, будто я шагнула в клетку с хищником.

Я всё ещё надеялась начать с извинений.

– Ваше Величество, принц Калистен, прошу меня...

– Заткнись. Откроешь рот ещё раз без моего разрешения и останешься без языка, – продолжил он лениво, словно обсуждал погоду. – А теперь слушай. Внимательно, Бьеркен. Это твой единственный шанс сохранить то, что ты по недоразумению называешь жизнью.

Он медленно поднялся, и от этого движения по спине пробежал холод.

– Ты до сих пор не болтаешься на виселице только потому, что мне противно марать репутацию семьи из-за такой бесполезной дряни, как ты. Поверь, твоя жалкая задница не стоит ни капли скандала. Ты даже на это не тянешь.

Я стояла, не в силах пошевелиться, чувствуя, как каждое слово вбивается в меня, как гвоздь.

Он подошёл ближе. Слишком близко.

– С этой минуты ты – моя собственность. Моя личная проблема. И решать, как долго ты будешь торчать во дворце, буду исключительно я. Захочу – ты будешь лгать так убедительно, что сама поверишь в свою ложь. Прикажу – убьёшь. Без раздумий. Скажу летать – вырастишь крылья, ясно?

Он наклонился, заставляя меня поднять взгляд..

– А если вздумаешь показать характер... – его голос стал тихим, – я лично прослежу, чтобы ты узнала, насколько глубоки камеры под Восточной башней. Они гораздо уютнее, чем ты заслуживаешь. Всё ясно, или ещё раз прожевать по слогам?

Яснее некуда: вот он, истинное чудовище в королевском обликии. Зажравшийся ублюдок, не знающий жалости, который олицетворяет собой все пороки власти и безразличия. Его холодный взгляд и высокомерная осанка скрывают под собой бездну жестокости и эгоизма. В этом великолепии прячется тьма, готовая поглотить всё вокруг. Каждое его слово было пропитано ядом, медленно проникающий в кровь. Я почувствовала, как внутри меня закипает гнев, и сжала кулаки, чтобы не выдать себя.

– Предельно ясно, – произнесла сквозь зубы, стараясь сохранить спокойствие, сверля его взглядом.

– А теперь к делу, – он усмехнулся так, будто только что плюнул мне в лицо. – Раз уж ты считаешь меня настолько

тупым, что я не в состоянии сам выбрать себе невесту, а твоя светлая головушка, аж сияет от ума, то будешь делать это за меня.

Он отошёл и лениво откинулся в кресле, разглядывая меня, как неудачную покупку.

– Давай, покажи, на что способна. Раз ты так уверена, что видишь людей насквозь.

Я застыла, не сразу поверив услышанному. Это... он сейчас всерьёз?

– Что всё это значит? – выдавила я, поражённая его наглостью..

– Это значит, – протянул он с раздражающим спокойствием, – что для начала ты соберёшь и принесёшь мне всё дерьмо на участниц отбора. Их секреты, грязные тайны, предпочтения и всё прочее.

– Ты предлагаешь мне шпионить за ними? – слова прозвучали даже для меня дико. Он сегодня так закружился в танцах, что его мозг вылетел на одном из па?

– Не понимаю, почему тебя это так шокирует, – удивился он, склонив голову с показным презрением. – Ещё днём ты едва ли не скинула с себя всё при первом же встречном, побрезговав нормами морали. Забавно слышать это от тебя.

Наши взгляды сцепились, как ножи. Ублюдок. Он прекрасно знал, почему мне пришлось это сделать. Мне что, нужно было загнуться от благородства, лишь бы не выста-

вить себя в дурном свете?

– Это всё, что вы хотели мне сказать? Я могу быть свободной? – произнесла уверенно, но в душе уже разгорался огонь.

Он усмехнулся – медленно, зловеще.

– Не торопись, Бьёркен. Мы только начали, – в его голосе прозвучала откровенная угроза. – Но на сегодня ты свободна.

Развернулась, сдерживая ярость, рвущую грудь изнутри. В этом гадюшнике, называемом дворцом, слабость была смертельной роскошью. Если придётся – я стану его тенью, его проклятием, его самой большой ошибкой.

Захлопнув дверь комнаты, в которую меня поселили, я начала нервно расхаживать из угла в угол, словно дикий зверь в клетке, пытаюсь успокоить разыгравшийся гнев на этого непрошеного принца. Да кем он себя мнит, придурок? Божеством, способным вершить чужие судьбы? Второй раз за день втоптывает меня в грязь, словно я ненужный мусор под ногами. Еле сдержалась, чтобы не высказать этому зажавшемуся говнюку все, что я о нем думаю. Как же он меня бесит!

Спустя время, чувствую, как гнев покидает мое тело, а на смену ему приходит здравый смысл. Сейчас самое главное, что я до сих пор во дворце, и пока брату ничего не угрожает. Плевать, на каком основании он будет меня здесь держать –

ради Ника я готова терпеть выходки этого несносного человека.

Сон как рукой сняло. Нужно было подумать, каким образом я буду доставать нужную ему информацию. Никогда в жизни подобным не занималась, даже примерно не представляю, с чего начать. Я и имён-то половины не знаю! Да даже если я сблизусь с участницами, вряд ли они раскроют мне все свои тайны. На кой черт они вообще ему сдались?

Без помощи тут не обойтись. Завтра же поговорю со своей служанкой Мией. Прислуга всегда в курсе всех секретов, творящихся в замке. Да, чувствую, нелегко мне придется в этом злосчастном месте.

И пусть Калистен думает, что он может меня сломать. Я не из тех, кто так легко сдается!

Глава 8

Ави

Сквозь сон до меня доносится противный голос Мадлен – как всегда, безжалостно разрушающий мою утреннюю идиллию. Она будит меня ни свет ни заря, и в ответ на её настойчивые призывы я, назло, ещё какое-то время зарываюсь в ворох белоснежных простыней, цепляясь за этот сладкий, хрупкий мир сновидений. Каждое мгновение в этом мягком плену кажется истинным блаженством. Я упрямо сопротивляюсь реальности, впитывая тепло и покой, которыми одаривает меня утренний сон.

Прошла неделя с официального приёма, а я всё ещё не могу прийти в себя от происходящего. Каждое утро начинается одинаково: Мадлен, моя неумолимая наставница, с фанатичным рвением затягивает на мне корсет — словно он создан исключительно для того, чтобы лишить меня дыхания. Ткань беспощадно сжимает грудь, и в эти мгновения мне хочется закричать, но я лишь стискиваю зубы, не позволяя себе выдать ни звука недовольства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.